

44 81.07

7-57

825483

Метради

ПЕРЕВОДЧИКА

выпуск

15

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

Вып. 15

*Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Л. С. БАРХУДАРОВА*

875483

**ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. Л. В. Бабушкина**

Издательство
«Международные отношения»
Москва 1978

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
ИЗДАЕТСЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров, А. В. Кунин,
Г. Я. Туровер (отв. ред.), В. Д. Уваров, М. Я. Цвиллинг.

*Авторы несут ответственность за аутентичность цитируемого
материала.*

Т 37 Тетради переводчика. Вып. 15. Под ред. проф.
Л. С. Бархударова. — М.: Международные отноше-
ния, 1978. — 112 с.

Выпуск 15 «Тетрадей переводчика» освещает проблемы теории и
практики перевода.

В выпуске ставится вопрос о критериях оценки перевода, о различ-
ных направлениях в переводческих исследованиях, дается консульта-
ция по особенностям перевода периодической научно-технической лите-
ратуры с английского языка, приводятся замечания о русских перево-
дах Боккаччо, обсуждаются некоторые переводческие фантазии, а так-
же вопрос о том, «что нужно знать переводчику».

Сборник представляет интерес для всех лиц, изучающих иностран-
ные языки.

Т $\frac{70104-019}{003(01)-78}$ 42—78

4

М. Я. Цвиллинг, Г. Я. Туровер
(Москва)

О КРИТЕРИЯХ ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА

Проблема оценки качества перевода занимала умы с самых первых шагов переводческой практики, как формы общения между языками и культурами. Высказывания, касающиеся, в частности, требований к переводу и оценки его качества, мы находим еще у античных мыслителей и у крупнейших писателей и философов, обращавшихся к проблемам переводческой деятельности¹. Проблема оценки качества перевода является в то же время одной из сторон проблемы оценки качества и эффективности человеческой деятельности как таковой.

Перевод, как и любая иная деятельность, обладает многосторонним характером и соответственно может быть оценен с разных точек зрения — прежде всего либо с точки зрения соответствия оригиналу (в отвлечении от производимого переводом эффекта), либо с точки зрения достигаемого с помощью перевода коммуникативного эффекта или его прагматической ценности². Эти подходы, естественно, в принципе не могут приводить к взаимоисключающим оценкам, тем не менее конкретная оценка может оказаться весьма различной в зависимости от установки оценивающего и намерений самого переводчика. Наиболее наглядно это проявляется на примере переводов произведений, намного переживших время своего создания (сакральные книги, народный эпос и т. п.)³.

Однако если отвлечься от подобных, в целом малотипичных случаев, то даже в самом обыкновенном каждодневном

---

¹ Ср., напр., «Разговор цитат» в кн.: «Мастерство перевода». Сборник седьмой, 1970, М., «Сов. писатель», 1970, с. 477 и след., а также Ф. Энгельс. Как не следует переводить Маркса. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, М., 1961, с. 237—245.

² См. В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., «Международные отношения», 1973, с. 194.

³ Ср.: A. Neubert. Pragmatische Aspekte der Übersetzung. — In.: "Fremdsprachen", Beih. II, Lpz., 1968, S. 21 ff.

переводе текстов практического назначения перед оценивающим — редактором, экзаменатором, судебным экспертом¹ и т. д. — встает целый ряд сложных задач, решение которых невозможно без выработки объективных критериев оценки перевода. Основываясь на единых принципах, эти критерии не могут быть тождественными для разных видов переводческой деятельности. В частности, такие критерии формулируются и применяются по-разному в практике литературно-художественного перевода, в научно-информационном переводе, в переводе документальных материалов. Различны эти критерии и в учебно-педагогической практике в зависимости от форм и целей обучения, а также уровня языковой и профессиональной подготовленности учащихся.

Имеющийся опыт и общепринятые взгляды на оценку перевода, как и большинство работ по теории перевода, не дают ответа на поставленные здесь вопросы. Вернее, ответы мы найдем весьма противоречивые. Одна крайность представлена в литературно-критической оценке переводов — собственно переводческие критерии здесь зачастую подменяются художественно-эстетическими и психологическими рассуждениями, к тому же нередко с немалой долей субъективизма. Другой крайностью является формально-количественный метод оценки, имеющий широкое распространение в педагогической практике и даже в деятельности некоторых переводческих учреждений, где он служит основанием для выведения отметок по пятибалльной шкале и для выплаты переводческого гонорара в полном или уменьшенном размере².

Специалисты склонны считать естественным критерием оценки перевода полноту передачи информации оригинала. При своей подкупающей простоте этот критерий, к сожалению, едва ли применим на практике — информация, содержащаяся в любом естественном тексте, фактически неисчерпаема, она не поддается дискретной инвентаризации и в

---

¹ См., напр., Я. И. Р е ц к е р. Плагиат или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе). «Тетради переводчика», № 1, М., «Международные отношения», 1963, с. 42 и след.

² Подробнее одна из систем такого рода обосновывается в работе Р. К. Миньяр-Белоручева «Учебное пособие по теории перевода», М., 1976, с. 89 и след. Практика издательств и переводческих учреждений ГДР обобщена в статье: R. S c h o l z. Untersuchungen zur Verwendbarkeit und Präzisierung der Kriterien der Übersetzungskategorien. „Fremdsprachen“, Nr. 1, 1974, Lpz., SS. 17—27. (Там же приведена обширная библиография по этому вопросу.)

значительной своей части нерелевантна для данной ситуации общения (в частности, в силу избыточности естественных языков). Потери информации (в широком смысле слова) абсолютно неизбежны, ведь при переводе утрачивается вся информация о материальной форме выражения содержания, доля которой в общей сумме единиц информации очень велика. Например, фраза-ответ «нет» содержит 1 бит¹ смысловой информации, хотя в каждой из трех букв русского алфавита, входящих в это слово, содержится около 5 бит формальной информационно-нагрузки. На невозможность полной передачи информации указывают и авторы всех новейших работ по теории перевода².

Как мы указывали выше, существует два ряда критериев оценки перевода — один из них базируется на чисто лингвистическом основании («эквивалентность перевода» по В. Н. Комиссарову), другой — на преимущественно прагматическом («ценность перевода» по В. Н. Комиссарову).

В соответствии с первым из этих критериев анализ иногда реально сводится к пословному, пофразовому, а то и поморфемному сопоставлению текста перевода с оригиналом, иногда с поправками на межуровневые трансформации и иные формы компенсации «непереводимых» единиц. Стилистическая оценка перевода при этом либо вообще не формализуется, либо сводится к оценке выбора варианта из ряда стилистических синонимов³. Эта методика в упрощенной форме нередко находит неоправданно широкое применение в практике преподавания⁴.

Второй — прагматический критерий — непосредственно опирается на реальную коммуникативную ситуацию⁵. Он предполагает наличие адекватной деятельностной реакции

---

¹ 1 бит — двоичная единица измерения количества информации (БСЭ).

² См. Л. С. Бархударов. Язык и перевод. М., «Международные отношения», 1975, с. 70—73; А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., «Воениздат», 1973, с. 68—70; G. J ä g e r. Translation und Translationslinguistik. Halle/S., 1975, S. 87 ff.

³ В. Г. Гак. Сопоставительная лексикология. М., «Международные отношения», 1977, с. 4 и след.

⁴ См. М. Я. Цвиллинг. О двойной функции родного языка при обучении чтению и переводу. — В сб.: «Чтение. Перевод. Устная речь». М., «Наука», 1977.

⁵ Подробнее см. М. Я. Цвиллинг. О возможности прагматического (социально-психологического) подхода к проблеме адекватности. «Вопросы теории и методики преподавания перевода». Тезисы всесоюзной конференции. 12—14 мая 1970 г. М., 1970.

со стороны реципиента перевода (например, правильная ориентация в незнакомом городе на основе перевода туристического проспекта, правильное обращение с прибором на основе переводной инструкции и т. п.). К сожалению, этот критерий не поддается формализации и не может быть распространен на ситуации непредметного характера и, кроме того, осложнен возможностью использования реципиентом информации экстралингвистического характера и опыта.

Еще один фактор, который необходимо учитывать при выработке критериев оценки перевода, это форма и условия его осуществления (устный перевод — синхронный и последовательный, письменный — рабочий и официальный и т. д.). В настоящей статье мы намеренно не касаемся устного перевода, поскольку его оценка требует учета психологических моментов, рассмотрение которых выходит далеко за рамки краткой статьи.

Существенная разница имеется очевидно и между переводами, осуществляемыми в противоположных направлениях, то есть с родного языка на иностранный и с иностранного на родной в условиях асимметричного билингвизма. Недостатки при переводе с иностранного языка на родной чаще всего являются переводческими ошибками в общепринятом значении этого термина (то есть неполной реализацией интенций автора оригинала), хотя не исключены и ошибки в оформлении текста перевода в силу интерференции языка оригинала и по иным причинам.

При переводе с родного языка на иностранный ошибки чаще носят «языковой» характер (происходит неполная реализация речевых интенций самого переводчика), хотя не исключены и ошибки в понимании переводимого текста.

Итак, как при оценке любой иной сложной человеческой деятельности, приходится вводить в единую шкалу достаточно разнородные факторы. Оценивая деятельность рабочего, мы должны учитывать и скорость выполнения операций, и точность обработки деталей, и количество израсходованных материалов, и отношение к совместному труду в коллективе, и многое другое. Нечто подобное происходит и при оценке качества перевода. Здесь «приводятся к общему знаменателю» лингвистические, прагматические и прочие критерии, из равнодействующей которых и складывается оценка. Правда, при оценке письменных переводов достаточно стандартных текстов, в том числе учебных переводов научных текстов, лингвистические критерии явно выходят на передний план, поскольку коммуникативные факторы можно

считать нейтрализованными благодаря своей стандартности.

Применение лингвистического критерия предполагает отыскание в переводе тех языковых элементов, которые передают релевантную («ключевую» по Р. К. Миньяр-Белоручеву) информацию исходного текста. Это, однако, отнюдь не означает обязательность передачи этой информации изоморфными единицами, а, наоборот, допускает широкий набор внутриуровневых и межуровневых трансформаций, транспозиций и компенсационных приемов. В практике преподавания перевода широко применяются такие понятия, как «смысловые искажения», «смысловые потери», «отсебятина» (то есть неоправданная прибавочная информация), «стилистическое несоответствие»¹ и «стилистическая нейтрализация», «буквализм», «слепое следование синтаксической структуре оригинала», «нарушение правил лексической сочетаемости», «использование ложных эквивалентов» («ложные друзья переводчика» в области лексики, фразеологии, синтаксиса) и др.

Дисфункциональные эффекты в передаче информации, происходящие в результате вышеперечисленных переводческих недочетов, анализируются и классифицируются в вышеуказанной работе Р. К. Миньяр-Белоручева¹.

Сложность проблемы заключается в том, что суждение о правильности или неправильности того или иного места в переводе, то есть об отсутствии или наличии ошибки выносятся преподавателем (редактором) на основе своего субъективного ощущения и лишь впоследствии подвергается своего рода «рационализирующему» объяснению (о чем свидетельствуют формулировки типа «это не звучит», «так не говорят», «это не одно и то же», «такого нет в оригинале» и т. п.). Попытки преодолеть этот неизбежный субъективизм с помощью строгих нормативов или общеобязательных эталонов обречены на неудачу, так как подобные нормы либо не могут отразить всего множества и разнообразия реально встречающихся случаев переводческих ошибок, либо должны будут носить столь обобщенный и отвлеченный характер, что их конкретное применение к отдельному случаю все равно будет осуществляться сквозь призму субъективного восприятия оценивающего. «При нынешнем уровне точности описания словарных составов языков (одноязычной лексикографии) и при нынешнем уровне развития языкознания

---

¹ Р. К. Миньяр-Белоручев. Указ. соч., с. 98—103.

вообще нет объективных критериев оценки степени адекватности переводов»¹.

Представляется, что преодоление этого индивидуального субъективизма должно идти не по линии замены субъективных критериев объективными, а по линии объективизации тех закономерностей, которые лежат в основе субъективных суждений, и выработки мер, способствующих уменьшению их «разброса». Для этого может быть использована методика, получившая широкое применение в социологических, социально-психологических и социально-лингвистических исследованиях.

Практическое осуществление предлагаемого метода выработки критериев оценки перевода требует постановки широкой серии экспериментов, в ходе которых окажется возможным постепенно конкретизировать требования к переводам различных типов и установить относительную «тяжесть» различного рода отклонений от адекватности, а тем самым и уточнить шкалу оценок переводов.

В качестве первых шагов могут быть предложены, в частности, следующие виды экспериментов: 1) одновременная и независимая оценка одного и того же перевода достаточной большой группой преподавателей; 2) сопоставление оценок преподавателей с оценками, даваемыми профессиональными переводчиками, редакторами, учеными-специалистами; 3) изучение зависимости между теми или иными изменениями в переводе и его оценкой; 4) использование сопоставления обратного (вторичного) перевода с оригиналом для определения «уровня шумов» в переводе и др. Данные эксперимента должны подвергнуться как статистической обработке, так и содержательной интерпретации (например, с помощью анкет). Результаты этого исследования могли бы быть представлены в виде шкал, в которых каждому виду переводческой ошибки приписывается определенное числовое значение-количество «штрафных очков», сумма которых после применения соответствующих поправок на тип текста и т. п. и могла бы лечь в основу общей оценки перевода.

Естественно, что полученные таким способом критерии сами по себе не обеспечивают на практике полного автома-

---

¹ См. В. П. Берков. Слово в двуязычном словаре. Таллин, 1977, с. 113. Там же автор ссылается на аналогичную точку зрения И. Бар-Хиллела (И. Бар-Хиллел. Будущее машинного перевода. «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1962, № 4, с. 203).

тизма и единообразия оценки переводов. Однако объективно выработанный эталон оценки в силу своего социального престижа будет оказывать стимулирующее влияние как на учащихся, так и на преподавателей, и тем самым явится действенным фактором повышения эффективности обучения переводу, этой важнейшей составной части процесса овладения иностранным языком.

Данная статья не ставила, да и не могла ставить своей задачей выработку каких-либо рецептов оценки переводов. Однако авторы надеются, что высказанные ими предложения найдут отклик в заинтересованных кругах и в конечном счете будут способствовать выработке более единообразного и обоснованного подхода к оценке такого сложного вида человеческой деятельности, каким является перевод.

В. Д. Уваров
(Москва)

О ТРЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1

Характерной чертой проходившей в мае 1975 года Всесоюзной научной конференции «Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков»¹ по сравнению с предшествовавшей ей конференцией «Вопросы теории и методики преподавания перевода» (май 1970) явилась более строгая лингвистическая ориентация и полное прекращение споров о том, наука ли перевод или искусство, нужна ли лингвистическая теория перевода, и дискуссий по другим вопросам, вокруг которых ломались копья в 60-е годы. Другими словами, в той мере, в какой Конференция 1975 г. может считаться представительной, есть основание говорить о победе (как и в других областях) переводческих «физиков» над переводческими «лириками», если вспомнить опять-таки терминологию предыдущего десятилетия. Как показало, в

---

¹ См. В. Н. Комиссаров. Теория перевода на современном этапе. (По материалам Всесоюзной научной конференции). «Тетради переводчика», № 13, М., «Международные отношения», 1976, с. 3.

частности, заседание Круглого стола читателей «Тетрадей переводчика», состоявшееся 15 мая 1975 года, во время второй конференции, одна из причин нового положения дел заключается в быстром росте армии технических переводчиков, которых вряд ли устраивают глубокомысленные рассуждения о том, что текст надо почувствовать, что переводчик должен творчески подходить к своему делу, что лингвистическая теория перевода в лучшем случае изъясняет букву текста, а не его дух и т. д. Имея зачастую лишь специальное образование, технические переводчики искали в спорах о переводе не представляющего общеобразовательный интерес ответа на вопрос «кто прав, кто виноват», а хотя бы крупинцы знаний, могущих помочь их практической деятельности.

И как раз в это время одна за другой выходят такие работы, как «Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе)» В. Н. Комиссарова (1973), «Перевод и лингвистика (О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе)» А. Д. Швейцера (1973), «Теория перевода и переводческая практика (Очерки лингвистической теории перевода)» Я. И. Рецкера (1974), «Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)» Л. С. Бархударова (1975). Показательны уже названия и подзаголовки этих книг, отражающие их лингвистический характер.

Эти труды объединяет еще одна особенность, которая отражена в подзаголовке книги Л. С. Бархударова и которая отмечается автором следующим образом: «В центре внимания автора стоят вопросы, связанные с общей лингвистической теорией перевода; однако материалом для их освещения и для иллюстрации выдвигаемых в работе общетеоретических положений служат переводческие соответствия, устанавливаемые в плане двух конкретных языков — русского и английского (причем рассматривается перевод как с английского языка на русский, так и, в меньшей степени, с русского на английский). Отсюда и подзаголовок книги — «Вопросы общей и частной теории перевода»; «общая теория перевода есть предмет настоящей работы, частная — ее материал»¹. А. Д. Швейцер также отмечает, что его «книга преследует двоякую цель: во-первых, ввести читателя в проблематику лингвистической теории перевода и ознакомить его в доступной форме с основными теоретическими

---

¹ Л. С. Бархударов. Язык и перевод. М., «Международные отношения», 1975, с. 3.

моделями процесса перевода и, во-вторых, показать, как и каким образом эти модели реализуются при переводе газетно-информационных материалов. Основным материалом для наблюдений послужили переводы с английского языка на русский и с русского на английский. Кроме того, отдельные положения поясняются примерами из других языков»¹.

Таким образом, представленные в данных книгах теории перевода являются, по крайней мере по изложению, теориями дедуктивными, идущими от общих положений к частным примерам, хотя, несомненно, их авторы, будучи не только теоретиками, но и практиками перевода, формировали свои концепции и индуктивно. Видимо, выбор дедуктивной манеры изложения можно также объяснить сказанными по поводу машинного перевода словами Я. И. Рецкера о «притягательной силе теории перевода, свободной от привязанности к определенному языку и рассчитанной «на все времена, для всех народов»². Признавая вместе с автором закономерность появления такой теории, особенно «в век машинного перевода, а может быть и раньше»³, нельзя не указать и на возможность (не только теоретическую) индуктивного построения и изложения общей теории перевода, то есть создания теории перевода для каждой конкретной пары языков и последующего сведения воедино наличествующих в них общих черт.

Дело в том, что и у дедукции, и у индукции есть свои достоинства и свои недостатки. Если при индуктивном способе можно «за деревьями не увидеть леса», не прийти от частных деталей двух языков к общей теории, то дедукция иногда приводит к преувеличению значения высших уровней текста по сравнению с низшими и экстралингвистических факторов по сравнению с лингвистическими. Так, разбирая перевод английского предложения *F. D. Roosevelt was baited and frustrated by the right*, В. Н. Комиссаров говорит о неуместности употребления в переводе глагола *травить*, объясняя это «необходимостью обращения к реальной действительности»: по мнению автора «Слова о переводе», «вряд ли можно «травить» человека, пользовавшегося ог-

---

¹ А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., «Воениздат», 1973, с. 3—4.

² Я. И. Рецкер. Теория перевода и переводческая практика. М., «Международные отношения», 1974, с. 4.

³ Там же.

ромной популярностью в стране и четыре раза подряд избравшегося ее президентом. Только благодаря обращению к реальности, — заключает исследователь, — мы предпочтем более «мягкий» вариант — «подвергался резким нападкам»¹. При первом чтении подобное объяснение кажется не слишком, так сказать, «лингвистическим» для «очерка лингвистического учения о переводе», да и с точки зрения той же реальной действительности здесь что-то не так: вероятно, Рузвельт пользовался огромной популярностью не у тех, кем он «was baited», и не они отдавали ему четыре раза подряд свои голоса на президентских выборах. Это «теоретическое» возражение можно подкрепить и ссылкой на реальную переводческую практику. В октябре 1973 года в газете «За рубежом» был опубликован перевод статьи «Финал карьеры Спиро Агню» из «Тайм», где главный герой говорит буквально следующее: «Меня травят. Я — жертва честолюбивого фанатика» и т. д.²

Тенденция вывести основания выбора переводческого варианта за пределы переводимого текста еще резче сказались в опубликованной в № 14 «Тетрадей переводчика» статье Д. И. Ермоловича «Типичность ситуации и перевод на уровне сообщения».

На деле преувеличение значения уровня сообщения или уровня описания ситуации (см. пример из книги В. Н. Комиссарова) за счет уровня высказывания или уровня языковых знаков (слов) фактически противоречит лингвистической теории перевода, поскольку и ситуация, и сообщение — не только (и не столько) лингвистические понятия и с трудом поддаются описанию в языковых терминах. Так неожиданно возрождаются «лирические» походы против применения лингвистических понятий к переводу. Но разумное зерно здесь есть, и в третьей части статьи мы вернемся к теории перевода (но уже не лингвистической!), как раз основывающейся на понятиях ситуации и сообщения.

2

От указанного выше направления, которое хотелось бы назвать общелингвистическим, явно отличаются, на наш взгляд, работы семантического характера, связанные с пе-

---

¹ См. В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., «Международные отношения» 1973, с. 35; также с. 164.

² «За рубежом», № 26 (696), 18—24 октября 1973 г., с. 21.

реводом. Однако разграничить те и другие довольно трудно, поскольку и во всех упомянутых выше работах первого направления семантика занимает большое место. Особенно это относится к книге Л. С. Бархударова, считающего, что «в рамках принятого автором настоящего исследования подхода к переводу абсолютно необходимо наличие адекватной семантической теории»¹, которой посвящена почти половина работы (глава 2 «Языковые значения и перевод» и глава 3 «Семантические соответствия при переводе»). Однако примечательно, что для самого Л. С. Бархударова такое положение проблем семантики в книге приводит «к некоторому смещению акцентов» с собственно переводческой проблематики на вопросы, связанные с проблемами общего и сопоставительного языкознания».²

Но существует целое направление переводческих исследований, в центре которых стоит именно семантика. Подобные исследования связаны большей частью с автоматическим переводом (АП) и смежными с ним областями. С одной стороны, по авторитетному мнению автора обзора работ по АП в 1970—1974 гг., для современных представлений об АП характерно прежде всего «признание центральной (а возможно и решающей) роли семантики в АП»³. И даже более резко: «Принципиальное решение проблемы АП (то есть АП достаточно высокого качества, рассчитанный на достаточно широкий круг текстов) практически недостижимо без существенного использования семантики («семантический перевод»)»⁴. С другой стороны, именно в некоторых исследованиях такого рода можно ограничиться одной лишь семантикой. Так, авторы работы «Автоматический перевод на информационный язык» доказывают, что отсутствие грамматики в предлагаемой ими системе «вызывает лишь пятую часть информационного шума» и что отбрасывание синтагматических отношений «вполне согласуется с характером информационно-поискового языка, являющегося упрощением естественного языка»⁵.

Пример разработки семантики для словарной статьи

---

¹ Л. С. Бархударов. Указ. соч. с. 3—4.

² Там же.

³ «Предварительные публикации». Вып. 67. М., 1975, с. 8. (АН СССР. Ин-т рус. яз. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике). (Далее сокращено ПП.)

⁴ Там же, с. 6.

⁵ ПП № 32. М., 1972, с. 26 и 18.

слова ОШИБКА приводится в публикации «Об одной возможной системе машинного перевода»:

Magn ₁	:опасная, серьезная
Magn ₂	:грубая
Anti Magn ₂	:незначительная, несущественная
Magn ₃	:вопиющая
Oper ₁	:делать, допускать ошибку
Liqu	:исправлять, устранять ошибку ¹ ,

где Magn, Oper, Liqu — так называемые стандартные лексические функции, соответствующие, грубо говоря, понятиям 'большой', 'делать', 'ликвидировать'. Поскольку рядом дается пример заполнения значений тех же стандартных лексических функций для английского соответствия ERROR «ошибка», ясна мысль использовать стандартные лексические функции как своеобразный способ описания семантики и как смысловую запись для перехода от одного языка к другому.

Подобным же образом В. Ю. Розенцвейг толкует различия между русскими и французскими глаголами движения в терминах, составляющих левую колонку следующей таблицы, где плюсом обозначается наличие готовых лексических единиц, сочетающих в себе данные смысловые составляющие, минусом — их отсутствие²:

Смысловая составляющая	Русский язык	Французский язык
Движение + направление относительно говорящего	—	+
Движение + способ	+	—
Движение + местонахождение предмета относительно исходной / конечной точки	+	—
Движение + способ + местонахождение предмета относительно исходной / конечной точки	+	—

Однако в том же «Опыте лингвистического описания лексико-семантических ошибок в речи на неродном языке»

¹ ПП № 21. М., 1971, с. 20.

² ПП № 50. М., 1974, с. 19.

В. Ю. Розенцвейга проскальзывает указание и на возможность иного подхода к описанию семантики. Примечание 3-е гласит: «Строго говоря, ни *partir*, ни, в особенности, *quitter* не являются глаголами движения. Этимологическая связь *partir* с *part* 'часть' все еще ощущается в этом глаголе, ограничивая возможности использования его для обозначения ситуаций движения. Достаточно указать на то, что *partir* присоединяет слово, означающее конечную точку движения лишь с многочисленными ограничениями, причем отмечаются колебания в выборе предлога (*pour, vers, en, à*)... Указанная этимологическая связь проявляется и в семантическом плане. Естественны фразы типа *Les oiseaux sont partis* 'Птицы улетели', где *partir* означает, собственно говоря, не движение, а 'переставать быть в некотором месте', так сказать, переставать быть 'частью' этого места, но более чем сомнительны фразы типа **Les oiseaux sont partis pour* (*en, vers*) *l'Afrique* 'Птицы улетели в Африку'¹.

Использование этимологии для переводческого описания семантики, по сравнению с применением одного из искусственных языков, видимо, окажется менее стандартизованным (а стандартизация описания представляется авторам вышеуказанных работ несомненным достоинством)², но не окажется ли индивидуализация описания более полной? Обнаружится связь ERROR не только с ОШИБКОЙ, но и ЗАБЛУЖДЕНИЕМ через лат. *errare* «блуждать». Что данная альтернатива, как и в случае с первым направлением, не является только теоретической, доказывает нередкое обращение переводчиков-практиков при отсутствии подходящего значения в словаре к этимологии слова. Например, Джакомо Девото в своих «Лекциях по деструктурному синтаксису» говорит о союзе *che* «что, который» во фразе *Spicciatevi, che dobbiamo rientrare in casa* «Поторопитесь, а то нам нужно домой», что здесь данный подчинительный союз потерял *la sua virilità*³. Значения слова *virilità* по большому Итальянско-русскому словарю следующие: 1) мужественность, возмужалость; 2) мужество, стойкость, душевная твердость. Очевидно, что к данному контексту они не подходят. Однако если известно, что итал. *virilità* сводится не только к лат. *vir* 'муж, мужчина', но и к индоевропейскому

¹ Там же, с. 16—17. Автор упоминает об этимологическом смысле также на с. 33.

² ПП № 67, с. 61; ПП № 21, с. 4.

³ G. Devoto. *Lezioni di sintassi prestrutturale*. Firenze, La Nuova Italia, 1974, p. 205.

корню *^viei — со значением 'сильный, мощный'¹, перевод не представит труда. Происхождение слова *virilità* позволило Девото употребить его в значении 'сила'.

3

Переходя от общелингвистического и семантического направлений в переводческих исследованиях к третьему и последнему, мы вступаем в область, существование которой скорее желательно, чем реально. Рассмотрим такую серию утверждений:

1. Самый плохой перевод лучше отсутствия перевода.
2. Длина перевода и длина оригинала должны (почти) совпадать.
3. Главное в переводе — связь с предыдущим и связь с последующим, что при устном переводе выражается в правильной интонации.
4. При искажении оригинала (не расслышал, не понял и т. д.) возможно повторение сведений из предшествующей части текста или воспроизведение известных переводчику достоверных знаний по рассматриваемой проблеме.
5. Одна итальянская фраза соответствует примерно двум русским; две русские фразы объединяются в одну итальянскую со сложноподчиненной связью.
6. Русская фраза начинается с обстоятельства, английская или итальянская — с подлежащего.
7. В переводе употребляются только устойчивые словосочетания.

Данные утверждения (не осмеливаемся сказать «правила») составляют серию (не осмеливаемся сказать «систему»), сложившуюся чисто эмпирически, на основе переводческого опыта автора и других переводчиков, прежде всего переводчиков устных и синхронных. Отличительной чертой ее является то, что в общем-то ничего не говорится о смысле текста, как это было в работах общелингвистического или семантического направлений (см. примеры с *baited* и *virilità*). Речь идет прежде всего (а порядок правил отражает, по мысли автора, степень их важности) о ситуации, имеющей четкую цель — производство сообщений определенного рода

---

¹ Более подробно см. нашу статью «Логический и исторический подходы к построению словарного толкования» в сб.: «Актуальные проблемы лексикографии», М., «Русский язык», 1977.

(утверждение 1). Эти сообщения, каково бы ни было их содержание, должны соответствовать определенным (чисто внешним, формальным) требованиям (2 и 3). Далее говорится о возможности замены одного сообщения другим (4), что, в отличие от предыдущего, известно только одному из участников переводческой ситуации — самому переводчику. И только после всего этого указывается на оперирование элементами сообщения, да и то, если употребить терминологию В. Н. Комиссарова, на самых высших уровнях — высказывания (5), фразы (6) и словосочетания (7).

Подобное направление исследований, идущее главным образом от ситуации, назовем социологическим. Некоторые его понятия освещаются, в частности, в IV главе «Слова о переводе» В. Н. Комиссарова под заглавием «Изучение процесса перевода» (особенно раздел 4). Однако последовательная разработка и обоснование этого направления, видимо, дело будущего. Но дело вполне возможное. Укажем, что социологические утверждения (1—4) основываются на признании того факта, что вся ситуация перевода держится на доверии говорящего и слушающего посреднику-переводчику, ввиду чего последний непременно должен играть свою роль (в социологическом смысле этого слова; утверждения 1 и 4), играть ее в установленных говорящим пределах — не больше и не меньше (2) — и в то же время обеспечивать непрерывное сохранение ситуации (3). Если понятие «доверия» является сейчас объектом усиленного внимания социологов, то утверждение о возможности замены сообщения или его частей базируется на факте избыточности, известном из теории информации. Остальные наши утверждения частью являются предположениями (7), имеющими хорошие доказательства от противного в переводческой практике — яркие метафоры и непривычные словосочетания в устах переводчика останавливают на себе внимание и прерывают перевод, — частью положениями, доказуемыми исторически и статистически (5—6).

По нашему предположению, подкрепленному некоторым опытом преподавания перевода, именно социологическое направление обещает быть наиболее полезным в подготовке переводческих кадров, в то время как принципиального решения проблемы не только АП, но и перевода вообще можно ждать именно в рамках семантического направления, подготовленного работами общелингвистического характера.

875483

ВОЛГОДСКАЯ
областная библиотека
им. Н. В. Бабушкина

II. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Л. С. Бархударов
(Москва)

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ПЕРЕВОДЧИКУ?

Казалось бы, ответ на вопрос ясен: переводчик должен в совершенстве знать оба языка — язык оригинала и язык перевода. Причем не только знать, но и уметь переходить от одного языка к другому, выражаясь языком теории информации, знать правила «кодовых переходов». И еще не менее важно — знать, о чем идет речь в переводимом тексте, то есть понимать ту реальную ситуацию, ту внеязыковую действительность, которая в данном тексте описывается.

Все это, вроде бы, давно уже стало азбучной истиной. Тем не менее сплошь да рядом об этих истинах забывают. О знании языка мы в настоящей статье говорить не будем, а остановимся на одном лишь вопросе — о внеязыковых знаниях, о понимании того, о чем идет речь. К чему приводит неучет этого последнего требования даже опытными переводчиками, покажем на примере перевода широко известного произведения — повести американской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника...», перевода, принадлежащего Н. Галь и Р. Облонской и впервые опубликованного в журнале «Иностранная литература» в 1963 году.

С самого начала оговоримся — мы вовсе не собираемся бросать тень ни на самих переводчиц, имена которых достаточно известны, ни на их перевод в целом. Выполненный ими перевод повести американской писательницы, безусловно, в целом в ы с о к о т а л а н т л и в ы й, хотя, с нашей точки зрения, местами и несколько вольный. Тем более досадными выглядят на фоне в общем удачного перевода отдельные промахи и ляпсусы, которых могло бы и не быть, если бы соблюдалось отмеченное выше условие — полное и точное понимание переводчицами смысла переводимого текста на основе знания ими фактов объективной реальности (то есть внеязыковых знаний). А ляпсусы, говоря откровенно, грубые, порой непростительные. Чего стоит, например, такой:

When Alabama seceded *from the Union* on January 11, 1861, Winston County seceded from Alabama... (1, 2)

«Когда 11 января 1861 года штат Алабама откололся от остальных южных штатов, округ Уинстон откололся от Алабамы...» (Здесь и всюду ниже выделено мной. — Л. Б.)

В подлиннике сказано: «откололся от Соединенных Штатов». Допустим, переводчицы не знали, что Union в США обозначает «Соединенные Штаты»; но достаточно было им заглянуть в любой курс американской истории, чтобы узнать, что в январе 1861 года Алабама вышла из состава Соединенных Штатов и что к ней примкнули остальные южные штаты, образовав Конфедерацию, которая вступила в войну с Севером. Переводчицы без труда избежали бы столь грубой ошибки, если бы знали (или не игнорировали) элементарные исторические факты.

Вот еще пример такого же рода:

Although Maycomb was ignored during the War between the States, *Reconstruction rule* and economic ruin forced the town to grow. (11, 13)

«Война между Севером и Югом обошла Мейкомб стороной, но закон о восстановлении Юга и крах экономики все же вынудили город расти.»

Reconstruction (с большой буквы) — это, как известно всем, знающим американскую историю, период так называемой «реконструкции», то есть реорганизации Юга (1867—1877) Период этот, столь ярко, хотя и с откровенно реакционных позиций описанный в известном романе М. Митчел «Гонимые ветром», всегда воспринимался ортодоксальными южанами как время величайшего унижения, самая темная эра в истории Юга, и назвать реконструкцию «восстановлением Юга» в их глазах было бы величайшей и злейшей насмешкой.

Вообще, что касается истории гражданской войны 1861—65 гг. и последующего периода, то переводчицам явно «не везет». Рассмотрим еще один случай того же рода:

“...now in 1864, when Stonewall Jackson came around by — I beg your pardon, young folks, Ol’ Blue Light was in heaven then, God rest his saintly brow...” (1, 9)

«...вот в шестьдесят четвертом, когда на нас свалился Твердокаменный Джексон.., виноват, молодые люди, ошибся — в шестьдесят четвертом Старый Пожарник уже отдал богу душу, да будет ему земля пухом...»

Томас Джексон, прозванный «Твердокаменным» (Stonewall), был, как известно, генералом в армии южан; как же может старик-южанин, сам участник войны, говорить про кумира конфедератов, что он «на нас свалился»?

Не лучше обстоит дело и с фактами новейшей истории, в чем можно убедиться из следующего примера:

...*bread lines* in the cities grew longer... (11, 12)

...в городах росли *очереди за хлебом*...

Американизм *bread line*, означающий ‘очередь безработных за получением пособия’, можно найти хотя бы в словаре В. К. Мюллера. Допустим, переводчицы не знали его (хотя, говоря откровенно, надо бы знать); однако, стоило им осмыслить описываемую ситуацию, как они поняли бы, что тут кроется нечто иное, нежели «очереди за хлебом». В самом деле, действие происходит в тридцатые годы, в период «великой депрессии», когда Соединенные Штаты страдали отнюдь не от нехватки хлеба (напротив, в те годы зерно порой сжигали в паровозных топках, чтобы искусственно поднять на него цену), а прежде всего, от массовой безработицы. Опять-таки, правильное осмысление описываемой в тексте ситуации помогло бы авторам перевода избежать грубой смысловой ошибки.

Весьма любопытен и следующий пример:

...Mrs Merryweather would mount the stage *with the state flag*. (11, 27)

...миссис Мерриуэзер развернет *государственный флаг Америки*.

Речь идет о школьном концерте, в заключение которого учительница должна выйти на сцену, размахивая **флагом штата**. Переводчицы же заменили «флаг штата» на «государственный флаг Америки», забыв, что *state* в США обозначает не «государство», а **штат** и что для обозначения всего государства в целом употребляется уже упоминавшийся выше термин *Union* (а соответствующее прилагательное — *federal*). Мелочь? Может быть, но очень существенная для воссоздания духовной атмосферы американского юга со столь характерным для него сепаратизмом, прикрываемым демагогическим лозунгом “*states' rights*”. Заменив «флаг штата» на «флаг Америки», переводчицы невольно искажают идейный смысл данной сцены, столь важной в контексте всей повести в целом.

Следует подчеркнуть, что учет описываемой ситуации, «выход за текст» играет решающую роль в понимании и, стало быть, правильной передаче не только исторических и социальных реалий, но и в других случаях, порой весьма «заурядных», когда речь идет о вполне обыденных, житейских ситуациях. Примером этого может послужить следующий отрывок:

“Reckon old Dill’ll be coming home tomorrow”,
I said.

“Probably day after”, said Jem. “*Mis’ sippi turns ’em loose a day later*”. (1, 4)

Что значит: «в штате Миссисипи школьников отпускают на каникулы на день позже». А вот как перевели это место Н. Галь и Р. Облонская:

— Может завтра приедет Дилл, — сказала я. — Наверно, послезавтра, — сказал Джим. — *Им ведь еще через Миссисипи переправляться.*

Допустим, можно было не обратить внимание на такую «деталь», как отсутствие артикля перед Mississippi, что говорит о том, что перед нами — не название реки, а название штата (ох, уж эти проклятые штаты!). Но стоило лишь переводчицам задуматься над тем, может ли в двадцатом веке переправа через Миссисипи занять целые сутки, как им стало бы ясно, что такая трактовка данной фразы исключена и что, стало быть, здесь кроется совершенно другой смысл.

Вот еще один «житейский» пример того же рода:

He was difficult to live with, inconsistent, moody. *His appetite was appalling*, and he told me so many times to stop pestering him... (11, 12)

С ним стало трудно ужиться, то он злился, то дулся, настроение у него менялось пятнадцать раз на день. *Ел он так много и жадно, даже смотреть было страшно*, и все огрызался — не приставай ко мне!

Все переведено, в целом, правильно, хотя и весьма вольно, за исключением выражения *appalling appetite*, что значит ‘скверный, плохой аппетит’. Переводчиц смутило слово *appalling*: глагол *appal* значит ‘пугать’, ‘страшить’, вот они и перевели «смотреть было страшно». Но ведь и здесь нужно было всего лишь правильно осмыслить ситуацию,

задуматься: когда у человека дурное настроение, какой у него аппетит — плохой или хороший? Тогда не допустили бы переводчицы грубого ляпсуса, на который «даже смотреть страшно».

В заключение еще один перл:

Mr Ewell was a veteran of an obscure war... (11, 23).

То есть «был ветераном войны, но какой — никто не знал». А Н. Галь и Р. Облонская переводят:

Мистер Юэл не привык воевать в открытую...

Кажется, достаточно...

Еще раз подчеркнем самым решительным образом: мы не хотим сказать, что рассматриваемый нами перевод плохой. На каждый отмеченный нами промах приходится дюж и ны удачных переводческих решений, порой даже находок. Чего стоит, например, блестящее решение такой труднейшей переводческой задачи, как передача игры слов, перед которой пасуют даже опытнейшие мастера перевода:

After a dreary conversation in our livingroom one night about his *entailment*... I asked Jim what *entailment* was, and Jim described it as a condition of having your *tail* in a crack... (1, 2)

Однажды вечером они долго и скучно толковали в гостиной про *ущемление* прав... Я спросила Джима, что такое *ущемление*, он объяснил — когда тебе *прищмят* хвост...

Английская поговорка гласит: “Even Homer nods sometimes”. Но этих “nods”, то есть промахов, было бы меньше или вообще не было бы, если бы переводчики всюду и везде соблюдали неуклонное условие: необходимо осмысление лежащей за текстом реальной ситуации, знание самой действительности, о которой идет речь в переводимом тексте. Без такого знания не может быть правильно понята и осмыслена человеческая речь вообще¹, тем более без него немислим никакой перевод, будь то перевод специальный или общий, научно-технический, политический или художественный. И это должен непременно знать и помнить любой переводчик.

---

¹ См. об этом: Л. С. Бархударов. Язык и перевод. М., «Международные отношения», 1975, с. 31—36.

ЗАМЕЧАНИЯ О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ БОККАЧЧО¹

I. Для теории художественного перевода может быть небезытересной попытка проанализировать факторы, лежащие в основе различия трех созданных в разное время художественных переводов одного и того же оригинала.

Такая попытка представит особенный интерес, если переводимый художественный текст обладает системой выразительных средств, не имеющей аналогичного исторического соответствия в языке перевода.

Цель нашей попытки — показать природу различия трех переводов, их отношение к принципу эквивалентности, то есть показать, как, с современной точки зрения, принцип эквивалентности воплощен в каждом из этих, разных по времени, переводов. Для этой цели мы обратимся к последним теоретическим исследованиям в области теории художественной прозы, или «теории повествования», касающимся организации и смысла художественного текста и беллетристики в целом. Мы используем те исследования, которые, по нашему мнению, можно применить к изучению переводов. Это может дать новые результаты, отличные от тех, которые получены в рамках теории художественного перевода.

Обращение к сфере исследований по теории художественной прозы обусловлено тем, что три перевода 10-й новеллы 10-го дня «Декамерона» на русский язык, которые мы хотим проанализировать, то есть переводы К. Н. Батюшкова, А. Н. Веселовского и Н. М. Любимова, представляют собой художественные тексты и, следовательно, могут быть, по крайней мере теоретически, подвергнуты анализу с точки зрения «теории повествования». Тем не менее наша цель — выяснить, могут ли устойчивые повествовательные структуры, выявленные теорией художественной прозы, быть использованы в теории художественного перевода при анализе переводных художественных произведений; совпадают ли они (и до какой степени) с анализом в рамках теории перевода и могут ли взаимно дополнять друг друга.

---

¹ От редакции. Статья получена в рукописи. Публикуется в переводе с итальянского П. С. Пантюхина.

Гипотеза о структурном «толковании» переводов К. Н. Батюшкова, А. Н. Веселовского и Н. М. Любимова методами теории художественной прозы может, в частности, вытекать из исследований Тодорова¹, согласно которым художественно-повествовательный контекст этих трех переводов можно анализировать с точки зрения трех аспектов грамматики повествования²: синтаксического, семантического и лексического.

Так, при рассмотрении синтаксического аспекта этих трех переводов мы приходим к выводу, что система действий, составляющих сюжетную линию повествования, аналогична во всех трех переведенных новеллах и совпадает с оригиналом. Это происходит благодаря тому, что анализ повествования на синтаксическом уровне имеет целью, по Тодорову, исключительно разработку своего рода абстрактной решетки отношений, существующих между действиями в повествовании. Это абстрактная система категорий, то есть «модель» или «архиповествование». Так, например, значение глагола³, которое Тодоров для удобства обозначает символом «а» и которое заключается в изменении ситуации, в синтаксическом аспекте аналогично во всех трех переводах (имеются в виду действия, выраженные глаголом «искажать», или, говоря другими словами, те «испытания», которым Гуальтьери подвергает Гризельду).

Однако по мере того, как наш анализ становится более конкретным, то есть при рассмотрении семантического и лексического аспектов, совпадение переводов между собой и каждого в отдельности по сравнению с оригиналом уменьшается, так как эти два аспекта непосредственно связаны с конкретным текстом. Особенности текста-перевода, как мы увидим, проявляются как раз при его анализе с точки зрения лексической. Именно анализируя этот аспект, а в нашем

---

¹ Tz. Todorov. Grammaire du Décaméron. The Hague—Paris, 1969.

² Необходимо отметить, что в основе анализа повествования лежит методологическая гипотеза о возможности всеобщей грамматики («в процессе мышления структура языка копирует структуру окружающего мира»). По Тодорову, и сам мир, о котором говорится в художественном произведении, подчинен законам всеобщей грамматики. Поэтому, определяя структуру повествования, Тодоров придает последнему форму грамматики, как она понималась в классической европейской традиции.

³ Этот глагол очень важен с точки зрения грамматики повествования, поскольку можно сказать, что в этом единственном глаголе и заключена вся событийная линия новеллы.

случае «означающие художественной прозы», если употребить очень уместный здесь термин Р. Барта¹, можно проникнуть в природу переводов. Кроме того, лексический аспект дает возможность приблизиться к семантике перевода, а это как раз важнее всего для выявления полноценности переведенных текстов. Действительно, перевод состоит в передаче семантического содержания текста-оригинала, но для теории перевода важно, как передано это содержание. Полезность теории художественной прозы для теории художественного перевода проявляется, так сказать, «в отрицании», поскольку она помогает понять, что при переводе художественного текста в одном случае что-то без труда «переходит» из оригинала в перевод, а в другом, наоборот, возникают трудности в эквивалентной передаче оригинала. Анализ лексического аспекта, опущенный Тодоровым как не относящийся к делу или, во всяком случае, не проясняющий анализа повествования в целях теоретического построения структурной типологии повествования, напротив, приобретает крайнюю важность при анализе переводов художественной прозы в рамках теории художественного перевода. Это происходит потому, что как раз при анализе лексического аспекта, представленного не как лингвистический материал, а как выраженная языковыми средствами художественная система, можно установить специфику каждого перевода.

II. Анализ «рамки» в каждом из трех переводов новеллы, то есть ее краткого начального изложения, с точки зрения лексической уже дает возможность познакомиться с каждой из трех художественных структур.

Приведем примеры.

«Il marchese di Saluzzo da' prieghi de' suoi uomini costretto di pigliar moglie, per prenderla a suo modo, piglia una figliuola d'un villano, della quale ha due figliuoli, li quali le fa veduto di uccidergli»².

«Маркиз Салуцкий, вынужденный просьбами своих людей жениться, берет за себя, дабы избрать жену по

---

¹ R. Barthes. L'Analyse structurale du récit (специальный 8-й выпуск «Communications»), E. du Seuil, 1966.

² Giovanni Boccaccio. Decameron. A cura di Vittore Branca. Firenze, 1952, vol. II, p. 643.

своему желанию, дочь одного крестьянина и, прижив с ней двух детей, уверяет ее, что убил их»¹.

«Подданные уговаривают маркиза Салуццкого жениться; маркиз, объявив, что ищет себе невесту сам, женится на дочери крестьянина; она родила ему двух детей; маркиз заставляет ее думать, что он убил их»².

Отсутствие в переводе К. Н. Батюшкова краткого начального изложения (а также общего для данной и других новелл обрамления и песни в конце 10-го дня) уже представляет собой первое отличие этого перевода и характеризует его как работу отдельностоящую, не связанную с другими новеллами «Декамерона». Таким образом, этот перевод — произведение самостоятельное, а не отрывок из книги новелл³.

Анализируя краткое начальное изложение новеллы в двух других переводах, обладающих самостоятельным значением речевых единиц, мы наблюдаем в переводе А. Н. Веселовского точное копирование синтагматической структуры оригинала с помощью гипотаксиса.

В переводе Н. М. Любимова мы, наоборот, сталкиваемся с противоположным явлением. В кратком начальном изложении новеллы налицо упрощение синтаксиса оригинала посредством замены гипотаксиса на паратаксис или при помощи «синтаксической конденсации».

Упрощение синтагматической структуры оригинала наблюдается и в переводе К. Н. Батюшкова.

«Già è gran tempo, fu tra' marchesi di Saluzzo il maggior della casa un giovane chiamato Gualtieri, il quale, essendo senza moglie e senza figliuoli, in niuna altra cosa il suo tempo spendeva che in uccellare e in cacciare, né di prender moglie, né d'aver figliuoli alcun pensiero avea »⁴.

---

¹ Дж. Боккаччо. Декамерон. М., Гослитиздат, 1955, с. 691, Пер. А. Н. Веселовского.

² Дж. Боккаччо. Декамерон. М.. «Художественная литература», 1970, с. 646. Пер. Н. М. Любимова.

³ Действительно, К. Н. Батюшков перевел лишь вступление и новеллу о Гризельде, причем ставил своей целью не только передать содержание, но и «угадать манеру Боккаччо» (К. Н. Б а т ю ш к о в. Соч. Спб., 1885—1886, т. III, с. 420), передать на русском языке стиль произведения, то, что он называл «длинными периодами Боккаччо», К. Н. Батюшков ограничился лишь этими опытами. — *Прим. переводчица.*

⁴ Giovanni Boccaccio. Op. cit., vol. II, p. 644.

«В давние времена старшим в роде маркизов Салуццих оставался по смерти родственников своих молодой Гвальтиери. Целые дни он проводил на псовой и соколиной охоте, был неженат, бездетен и вовсе не помышлял о супружестве»¹.

Упрощение синтагматической структуры оригинала в переводах К. Н. Батюшкова и Н. М. Любимова не должно, однако, привести к каким-либо, по меньшей мере, поспешным выводам. В действительности это упрощение происходит по двум причинам: первая — обусловленность речевой нормой русского языка и вторая — природа двух художественных произведений. Поскольку эти два перевода являются отличными друг от друга «повествованиями», то упрощение синтаксиса должно рассматриваться на фоне соответствующих художественных структур и имеет, таким образом, разное значение.

Приведем несколько других примеров, на этот раз из всех трех переводов, сопоставляя их с оригиналом.

« E venuto il dì che alle nozze predetto avea, Gualtieri in su la mezza terza montò a cavallo , e ciascun altro che ad onorarlo era venuto ; e ogni cosa opportuna avendo disposta, disse : « Signori, tempo è d'andare per la novella sposa » ; e messosi in via con tutta la compagnia sua pervennero alla villetta. E ginnti a casa del padre della fanciulla, e lei trovata che con acqua tornava dalla fonte in gran fretta per andar poi con altre femine a veder venire la sposa di Gualtieri, la quale come Gualtieri vide, chiamatala per nome, cioè Griselda, domandò dove il padre fossi, al quale ella vergognosamente rispose : « Signor mio, egli è in casa » ².

«Настал условный день, и маркиз привел все дела в порядок, сел на коня и сказал приближенным: «Государь мои, пора нам отправиться за невестою». И все поскакали веселою вереницею в то селение, где жил отец нареченной. Она стояла у колодца и спешила вытаскивать ведра, надеясь с подругами идти навстречу маркизовой свадьбе, которая приближалась ближе и ближе к селу. Гвальтиери называет ее по имени Гризельдою, потом спрашивает: «Где отец твой?» — «Дома», — отвечала она и покраснелась, как алый мак».³

¹ К. Н. Б а т ю ш к о в. Указ. соч., т. II, с. 250.

² Giovanni V o s s a s s i o. Op. cit., vol. II, p. 647.

³ К. Н. Б а т ю ш к о в. Указ. соч., т. II, с. 252.

При анализе как синтаксического, так и лексического аспектов приведенного отрывка возникает множество замечаний, особенно по поводу передачи отдельных значений, исторических фактов и реалий. В плане синтаксическом вновь наблюдается упрощение структуры. Это происходит не только за счет использования паратаксиса, а и путем замены косвенной речи на прямую.

Еще более интересными представляются замечания лексического плана.

Так, например, опущены временные определения, представляющие собой «энтропию» текста (напомним опущение «...in su la mezza terza...» в приведенном выше отрывке). Не передана в переводе и та реалия, которая в оригинале дает различие в социальном положении Гризельды как дочери Джаннуколе, бедного овечьего пастуха, и потом как жены Гуальтьери (в этой связи вспомним передачу «... per andar poi con altre femine a veder venire la sposa di Gualtieri...» как «...надеясь с подругами идти навстречу маркизовой свадьбе...»¹).

Переосмысление реалий присутствует, впрочем, и во многих других местах этого перевода. Вот еще один пример:

«...che non figliuola di Giannucole e guardiana di pecore pareva stata, ma d'alcun nobile signore»².

«...Что все забыли в ней дочь убогого Жианукола, пастушку овечек, и считали за дочь какого-нибудь знатного принца...»³

Нередки и случаи вольного перевода, например в цитированном ранее отрывке («...и покраснелась, как алый мак...» — «...al quale ella vergognosamente rispose...»).

В переводе А. Н. Веселовского, напротив, нет ни семантических искажений, ни опущений, но его можно назвать «филологическим» и почти буквалистским.

«Когда настал день, назначенный им для свадьбы, Гвальтьери в половине третьего часа сел на коня, а с ним и все, явившиеся почтить его; распорядившись всем нужным, он сказал: «Господа, пора отправиться за невестой». Пустившись в путь, он вместе со всем обществом прибыл

---

¹ Для сопоставления семантических значений слов *femina* и *donna* см. оригинал с. 646 (13) «...essi l'avrebbero per donna e onorebbonla in tutte cose sì come donna». А. Н. Веселовский дает: «...Они примут ее как госпожу и как госпожу станут чествовать...».

² Giovanni Boscaccio. Op. cit., vol. II, p. 649 (24).

³ К. Н. Б а т ю ш к о в. Указ. соч., т. II, с. 253.

в деревушку; подъехав к дому отца девушки, он встретил ее, поспешно возвращавшуюся с водой от колодца, чтобы затем отправиться вместе с другими женщинами посмотреть на приезд невесты Гвальтьери. Когда Гвальтьери увидел ее, окликнув ее по имени, то есть Гризельдой, спросил, где ее отец, на что она стыдливо ответила: «Господин мой, он дома»¹.

Синтаксис более близок к оригиналу, чем в переводе К. Н. Батюшкова. Эта близость проявляется, впрочем, и в лексическом плане. Так, например, временное определение «...in su la mezza terza...» и другая реалья: «...con altre femine...» переведены дословно соответственно: «...в половине третьего часа...» и «...вместе с другими женщинами...».

В переводе Н. М. Любимова, откуда приведем тот же отрывок, мы имеем дело с еще одним, третьим, отличным от других, способом передачи основных особенностей оригинала, который характеризует еще одну художественную структуру.

«В день свадьбы, в семь часов утра, Гвальтьери и все его гости сели на коней. Отдав необходимые распоряжения, он сказал: «Синьоры! Пора ехать за невестой». Все тронули поводья и поехали в деревушку. Подъезжая к дому невесты, Гвальтьери ее встретил — она ходила за водой и теперь быстрым шагом возвращалась: ей хотелось вместе с другими поселянками посмотреть на невесту Гвальтьери, — а Гвальтьери, назвав ее по имени, то есть Гризельдой, спросил, где ее отец, на что она, застыдившись, ответила: «Дома, господин»².

Перед нами еще один пример того, как синтаксическое построение фразы оригинала, которое отображает сложность и искусность образования периодов, воспроизведено в переводе с помощью метода «синтаксической конденсации». Это делает построение фраз более соответствующим речевой норме русского языка. В плане передачи лексики отметим большее, по сравнению с двумя другими переводами, соответствие семантике оригинала. Так, временные определения переведены с учетом реальной семантической эквивалентности («...в семь часов утра...»). Это предпочтительнее, чем формальная передача (как в переводе А. Н. Веселовского), которая остается непонятной без примечания, или исполь-

¹ Перевод А. Н. Веселовского, с. 623.

² Перевод Н. М. Любимова, с. 647—648.

зование избыточности текста, как это сделано у К. Н. Батюшкова, вообще опустившего эти определения. Та же степень эквивалентности семантике и лексике оригинала наблюдается и в передаче других исторических фактов и реалий. Например, «...вместе с другими поселянками...», что К. Н. Батюшков переводит как «..., с подругами...», а А. Н. Веселовский — «...с другими женщинами...». В двух последних случаях переводы не передают реальной семантики оригинала.

III. Эти замечания, конечно, далеко не исчерпывают темы, а лишь иллюстрируют те синтаксические и лексические элементы, которые являются показательными для различной природы трех художественных структур. К этим замечаниям можно было бы добавить другие, касающиеся, например, использования различных стилистических пластов. Это, несомненно, привело бы к более полному пониманию лексического аспекта каждого из переводов.

Однако из всего сказанного выше можно сделать выводы, которые были бы интересны для определения характера каждого из переводов в плане их различного соответствия оригиналу и, таким образом, в плане отличных друг от друга способов его воспроизведения в общей системе выразительных средств русской художественной литературы. Эти выводы были бы интересны и для определения исторического типа каждого из переводов.

Мы считаем, что эквивалентность в синтаксическом и семантическом аспектах (по Тодорову), то есть в плане взаимоотношения действий, составляющих сюжетную линию, и в плане самой сюжетной линии новеллы существует во всех трех переводах. Различие же этих трех художественных структур позволяет нам определить с точки зрения истории принципа эквивалентности первый перевод как «вольный», второй — как «буквальный»; а третий — как «адекватный» перевод.

Перевод К. Н. Батюшкова — «вольный» перевод, так как отходит от оригинала и принадлежит искусству начала XIX века как художественное произведение той эпохи. Однако этот перевод не отвечает критериям современного принципа эквивалентности («...перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка...»)¹. Перевод все время находится как бы между двумя полюсами — родством с ори-

---

¹ А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., «Высшая школа», 1968, с. 15.

гиналом и необходимостью соблюдать нормы системы выразительных средств художественной литературы языка перевода. В этом отношении перевод А. Н. Веселовского более тяготеет к оригиналу. Не таков, на наш взгляд, перевод Н. М. Любимова. У него совсем иные взаимоотношения с оригиналом и системой выразительных средств художественной литературы языка перевода благодаря верной пропорции соотносящихся частей.

В. П. Торпакова
(Москва)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ФАНТАЗИИ

Фантазия — великое лекарство
от мук земной юдоли.

А. Франс

Любой перевод являет собой ту или иную степень приближения к оригиналу, потому-то каждый новый перевод давно известного и любимого произведения вселяет надежду, что на этот раз, быть может, мы подойдем к иностранному автору еще ближе, узнаем что-то новое о нем, услышим его подлинный голос. Но, подобно тому как фантазия поэта уносит его далеко-далеко от мирской суеты, так и фантазия переводчика уносит его подчас в сторону от автора, обманывая наши надежды и разрушая иллюзии. Вот перед нами новый перевод одного из лучших стихотворений Эдгара По¹. Увы, он так далек от оригинала, что единственным напоминанием о последнем является разве что слово Эльдorado, но и оно, как увидим, имеет совсем не тот смысл, какой придавал ему автор.

Переводчик как бы сознательно избегает слов, употребленных поэтом, зато щедро сыплет набор словес мрачно-романтического характера (*Смерть, полумертвец, гроб, Чадо Зла*) с явным намерением устроить читателя и заставить его содрогнуться. На первый взгляд, они как будто бы

---

¹ Эдгар По. Стихотворения. Проза. М., «Художественная литература», 1976, с. 68. «Эльдorado». Пер. В. Топорова.

и впрямь соответствуют стилю Эдгара По, который имеет, как известно, репутацию писателя «кошмара и ужасов». И все же в оригинале таких слов нет.

Но посмотрим, однако, внимательнее, что есть и чего нет в оригинале.

1-я строфа оригинала. Рыцарь (a gallant knight) путешествует и в солнце, и в тень, весело распевая песню, в поисках Эльдорадо.

П е р е в о д. Некто, покинув жену и детей, отправился искать сокровища. Это выражено недвусмысленно:

«Прощай, жена!—
И в стремена. —
Прощайте, малы чада!
Как бог, богат
Вернусь назад
Из царства Эльдорадо!»

И, поскольку в конце 4-й строфы перевода фигурируют «пещеры Эльдорадо», ни у кого не возникает сомнений, что человек охвачен «золотой лихорадкой» или занялся чем-то вроде кладоискательства¹. Судя по многим рассказам Эдгара По («Свидание», «Лигейя», «Поместье Арнгейм» и т. д.), романтический герой его явно не такой уж большой любитель «рая в шалаше», и все же кажется маловероятным, что «золотая лихорадка» захватила его настолько, что его не остановили даже «жена и малы чада». Мысль о том, чтоб покинуть «жену и малых чад», столь заурядная для героев литературы нынешнего века, навверное, показалась бы фантастической рыцарю Эдгара По. (Отметим *entre parenthèses*, что жена у романтического героя — это идеальное и возвышенное создание — обыкновенно не может вынести тягот земной юдоли и само покидает сей мир, оставляя героя безутешным навек, ср.: «Ворон», «Морелла» и др.). Таким образом, этот плод фантазии переводчика («жена и малы чада») не имеет ничего общего ни с романтической концепцией женщины, ни с текстом оригинала. Рыцарь, как и поэт — его создатель, — один-одинешенек на белом свете, и он ищет Эльдорадо, чтоб там остаться навсегда. Мысли о «возвращении назад» у него нет.

---

¹ Кладоискательство — мотив, не чуждый прозе Э. По. Вспомним рассказ «Золотой жук». Однако Легран — герой этого рассказа — не занят кладоискательством специально. Он ищет экзотических насекомых, а найденный клад является скорее наградой за это странное, с точки зрения людей деловых и практических, занятие и за умение логически мыслить.

2-я строфа. Наш рыцарь постарел (grew old), и на сердце его пала тень, поскольку он не нашел на земле ни единого места, которое было бы похоже на Эльдorado.

Перевод. Герою предлагается «терпеть» превратности кочевой жизни «в лесах, в степи, среди песка и чада(?)».

«Туман, мираж.
Куда ж, куда ж
Девалось Эльдorado?»

Как ни скучно пересказывать «смирненной прозой» поэтическое произведение, делаем это сознательно, чтобы яснее было видно, что словесных совпадений в этой строфе тоже нет, равно как и смысловых.

3-я строфа. Силы, наконец, изменили рыцарю, и тут он встретил Тень, у которой спросил, где же может быть Эльдorado.

В переводе он, уже «полумертвец», встречает «Скверны Чадо» и вопрошает: «Зачем лгала мечта об Эльдorado?»

Здесь уместно полюбопытствовать, почему pilgrim Shadow (тень странника или странствующая тень) вдруг превратилась в «Чадо Зла» («Скверны Чадо») и что это такое? Исчадие ада или некий более сложный символ?

4-я строфа. Тень отвечает, что за Лунными горами, в Долине теней отважный рыцарь найдет Эльдorado.

Перевод. «Чадо Зла» отвечает, как ему и положено, несколько злорадно. Отвечает отнюдь не на вопрос. Впрочем, вопрос — «Зачем лгала мечта об Эльдorado?» — чисто риторический и ответа не требует. Мы благодарны, однако, «Чаду Зла», за то, что оно так удачно расставило все точки над «i». Невозможно не процитировать 4-ю строфу перевода целиком:

«Ха! В Долине Смерти
Средь химер,
Те спят земные чада,
Кому по гроб
Хватило троп
В пещеры Эльдorado!»

Таким образом, в переводе все ясно: все золотоискатели погибли в «Долине Смерти», «до гроба» разыскивая «пещеры Эльдorado». В то время, как послушная фантазия уносит поэта за Лунные горы, воображение переводчика, блуждая среди «миражей», «смертей», «гробов» и «химер», все же не покидает подлунного мира.

В оригинале, однако, не все так ясно и просто. И что еще удивительней: стихотворение, любимое и повторяемое многими, ставшее хрестоматийным, до сих пор осталось неразгаданной тайной. На родине поэта и в наши дни ученые ведут спор о том, пессимистично или оптимистично оно по своей природе¹.

И немудрено. Эдгар По — великий мистификатор — и в этом своем маленьком шедевре сумел наилучшим образом выполнить оба условия, которые ставил перед поэтом: «Следует постоянно наблюдать два условия: во-первых, известную цельность или, лучше сказать, соразмерность частей, и, во-вторых, нечто подразумеваемое, нечто вроде потайной, невидимой, неопределенной мысли. (...) *Избыток* же в выражении *подразумеваемых чувств* — эта мания превращать таинственную струю произведения в совершенно явственный поток — превращает в прозу, и притом в прозу самую плоскую, воображаемую поэзию так называемых трансценденталистов²».

Уважая последнее условие поэта и не предлагая окончательных выводов, попробуем все же в той мере, в какой это необходимо для надобностей перевода, связать в один узел несколько важных линий, которые ведут к „тайне «Эльдорадо».“ Иначе говоря, попытаемся ответить на вопросы: кто этот рыцарь, что он ищет и что это за тень, что неизменно сопутствует ему, а в конце встает перед ним на пути.

«Эльдорадо», как справедливо утверждают все исследователи творчества Эдгара По, явилось откликом на «золотую лихорадку», охватившую все слои американского общества в 1848 году, после открытия золота в Калифорнии. Эдгар По, бедный и больной, имел, однако, стойкий иммунитет против этой болезни и иронизировал над нею³: Трудно предположить, чтобы он стал воспевать ее в стихах, он, который считал, что «прекрасное есть единственная законная область поэзии»⁴, он, который гордо заявил: «Я останусь литератором (*littérateur*) до конца моей жизни и не откажусь от надежд, которые все еще увлекают меня, за все золото

---

¹ См. об этом: "Collected Works of Edgar Allan Poe", vol. I. "Poems", Ed. by Tb. O. Mabbott. Cambridge, Massachusetts, 1969, p. 461.

² Эдгар По. Повести, рассказы, критические этюды и мысли. М., б. г., с. 93.

³ См. рассказ «Фон Кемпелен и его открытие».

⁴ См. Эдгар По. Повести, рассказы, ..., с. 78.

Калифорнии»¹. Как известно, вплоть до последних дней жизни его увлекали надежды и планы, связанные с литературной деятельностью.

Нет нужды доказывать, что «Эльдорадо» — глубоко личное, к тому же, как согласно признают исследователи творчества писателя, итоговое произведение, типа завещания и, как пишет Т. Мабботт, «благороднейшая из поэм»².

Так кто ж такой был Эдгар Аллан По, этот благородный рыцарь нашего стихотворения? — Чрезвычайно своеобразная личность, причудливо соединившая в себе по-американски трезвый рационалистический интеллект и нежную романтическую душу, рвущуюся к духовной культуре Старого Света. Его ум проникал пространство и время свободно, а дух томился среди людей земных, ограниченных, безнадежно заурядных, которые «поклонялись двум идолам, звавшимся Богатством и Модой»³. Эта утонченная, глубоко артистическая натура была обречена всю жизнь страдать от пошлости и бездуховности окружающего ее мира дельцов. Все это прекрасно понял Ш. Бодлер, когда писал, что Эдгар По был «там (в США) чрезвычайно одинок»⁴. Это чувство одиночества и постоянного трагического разлада с деловым, «механизированным» миром, который был ему совершенно чужд и враждебен, и заставляло его искать свое Эльдорадо, переходя от отчаяния к надежде.

Что же такое Эльдорадо по Эдгару По?

Как говорят словари, слово Эльдорадо (исп. el Dorado — букв.: *золотой, золоченый*) восходит к древним индейским легендам и связано с обрядом посвящения в вожди племени. Место совершения обряда считалось священным, и к нему коренное население совершало паломничества (a place of pilgrimage — “The American Encyclopedia”). Позже (с XVI в.) испанские конкистадоры искали на территории Латинской Америки это легендарное место, будто бы богатое золотом и драгоценными камнями. «Со временем название Эльдорадо стало употребляться в переносном смысле для обозначения страны богатств, сказочных чудес.» (БСЭ) Американские толковые словари отмечают, что в XIX в. так стали называть Калифорнию после открытия в ней золота.

---

¹ См. “Collected Works of Edgar Poe”, vol. I, p. 461. Здесь и далее пер. автора статьи. — Ред.

² Ibid.

³ Эдгар По. Стихотворения. Проза, с. 657. (“Mellonta Tauta”).

⁴ Ch. Baudelaire. L'art romantique. P., 1968, p. 155.

Примечательно, что большие американские словари¹ для пояснения понятия Эльдorado дают слова *wealth* (*благополучие, благосостояние, процветание; изобилие*) и *opportunity* (*благоприятная возможность*). Одна лишь "The Columbia Encyclopedia" предлагает дополнительно слово *desire* *желание, мечта* — *a land of desire*².

Французские словари добавляют к этому нечто свое, определяя Эльдorado как «фантастическую страну, жители которой богаты и счастливы» (*Lagousse*), или как «чудесную страну мечты, наслаждений» (*Petit Robert*). Итальянские словари приводят в качестве синонимов Эльдorado: *Куканья, Эдем, обетованная земля*.

Полагаем, что такой блестящий эрудит, как Эдгар По, безусловно имел представление о слове Эльдorado в полном его объеме, а употреблял его по-своему и далеко не однозначно.

Скорее всего его Эльдorado имеет прямую связь с литературной традицией, которая сложилась к тому времени. Так, Дж. Мильтон упоминает это слово в «Потерянном Рае», называя им столицу Гвианы до прихода туда европейцев:

“Unspoil'd/Guiana, whose great citie Geryon's Sons/
Call El Dorado.” (G. Milton. *Paradise Lost*, XI, 411)

«Гвиану — край/Еще не разоренный; Эль-Дорудо/
Прозвали Герионовы сыны/Его столицу»³.

Однако ближе всего для американского поэта, думается, то Эльдorado, что изображено в 17—18 главах вольтеровского «Кандида». (Как известно, Эдгар По любил Вольтера и высоко ценил его тонкую, изящную иронию.) Это и наиболее оригинальное представление об Эльдorado, ибо в краю, описанном Вольтером, куски золота — суть не что иное, как «камни с большой дороги»⁴, и ценности для тамошних жителей не имеют никакой. Зато там есть дворец наук с галереями, полной инструментов для занятий физикой и математикой⁵,

---

¹ "The Random House Dictionary", "Webster's Third New International Dictionary", "Funk and Wagnalls", "The Columbia Encyclopedia".

² Ср. у Э. По: *Eldorado* — "the place of heart's desire". Цит. по кн.: "Collected Works of Edgar Allan Poe", vol. 1, p. 346.

³ Дж. Мильтон. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М., «Художественная литература», 1976, с. 333.

⁴ Вольтер. Философские повести. М., Гослитиздат, 1960, с. 139.

⁵ См. там же, с. 142.

что должно было чрезвычайно импонировать человеку, столь одержимому жадной познания и творчества, каким был Эдгар По. Можно предположить, что отсвет этого Эльдорадо, по крайней мере во внешнем его выражении, виден в рассказе «Поместье Арнгейм».

Слово Эльдорадо встречается у Эдгара По в стихотворении «Страна сновидений» (1844). Воображение уносит поэта в некую страну «вне времени и пространства» (“out of Space, out of Time”), где путешественника окружают исполненные меланхолии воспоминания о Прошлом, и тени умерших друзей проходят мимо. Для скорбного сердца и смятенного духа это мирное место несет желанный покой:

“For the heart whose woes are legion
'Tis a peaceful, soothing region —
For the spirit that walks in shadow
O! it is an Eldorado!”¹

Этот оттенок значения несомненно присутствует и в «Эльдорадо». Можно добавить к этому также, что поэт искал, видимо, некий уединенный приют, куда бы не добрался еще хваленый американский «прогресс», о котором так восхитительно небрежно рассуждает его египетская мумия: «...В его дни великие движения попадались на каждом шагу, а что до прогресса, то от него одно время просто житья не было, но потом он как-то рассосался»².

Не от этого ли «прогресса» поэт бежал всю жизнь в мир фантазии, ибо что ж такое Эльдорадо, если не поэтическая фантазия? Не от такого ли «прогресса» стремился убежать позже и Ш. Бодлер, о чем говорит он в своем «Путешествии» («Le voyage»), которое, возможно, навеяно в какой-то мере образами Эдгара По и, в частности, его «Эльдорадо», и где слово это имеет примерно тот же смысл?

«Chaque îlot signalé par l'homme de vigie
Est un Eldorado promi par le Destin;
L'Imagination qui dresse son orgie
Ne trouve qu'un récif aux clartés du matin.»³

И каждый островок, увиденный дозорным, —
То Эльдорадо, что обещано Судьбой;
Воображенье буйный пир рисует взору...
А утром поглядишь — то риф перед тобой.

¹ “Collected Works of Edgar Allan Poe”, vol. I, p. 345.

² Эдгар По. Стихотворения. Проза, с. 620.

³ Ch. Baudelaire. Les Fleurs du Mal. Petits Poèmes en prose. M., Editions du Progrès, 1972, p. 219.

У Эдгара По встречается и особенный, свой, близкий названному и все же отличный от него оттенок значения Эльдорадо, тот, что возникает задолго до «золотой лихорадки» в его мыслях о поэзии: «утонченность — есть истинное царство поэта — его El Dorado»¹. Здесь мы вплотную подходим к вопросу, занимавшему поэта особенно в последние годы жизни, вопросу поэтического мастерства, который очень важен и требует специального исследования. Отметим в этой связи лишь одно. «Эльдорадо» — явление чрезвычайное в творчестве Эдгара По, ибо в нем он воплотил свою любимую идею единства (unity) в самых разных ее аспектах. Сведя воедино основные мотивы своего творчества, он достиг здесь удивительного единства художественного впечатления или эффекта² путем единства логико-синтаксического построения. Каждая строфа присоединяется к другой простым союзом (but, and, over), что создает непрерывность в развитии мысли, стихотворение читается как бы «единым духом». По спаянности «общедоступной» формы с очень сложным внутренним содержанием, богатым подтекстом, это стихотворение, возможно, не имеет себе равных и в истории мировой поэзии.

Вполне романтическая концепция стихотворения соединяется с чрезвычайно рационалистическим его построением. «Главною пружиной для приведения всей машины в действие»³ служит здесь рифма shadow—Eldorado, которая проходит через все четыре строфы и является ключом к пониманию философского содержания стихотворения, а также камнем преткновения для всех переводчиков.

Понятно, что слово Эльдорадо необходимо сохранить при переводе, а стало быть, задача состоит в том, чтобы подобрать к нему подходящую рифму. Конечно, очень заманчиво перевести Shadow как «Тень из Ада», как это и сделал В. Брюсов⁴.

Рассмотрим внимательней этот вариант. Если предположить, что рыцарь — это олицетворение светлого начала, а Тень — это некая преследующая его темная сила, которая как бы «сгущается» по мере развития действия, то такой перевод выглядит как будто вполне логичным, а вытекающая

---

¹ Цит. по кн.: Собр. соч. Эдгара По в переводе с английского К. Д. Бальмонта, том пятый, М., «Скорпион», 1912, с. 43.

² См. Эдгар По. Повести, рассказы, ..., с. 76—80.

³ Там же, с. 80.

⁴ См. Эдгар По. Избранные произведения в двух томах. М., «Художественная литература», 1972, с. 399.

отсюда мысль о призрачности прекрасной мечты представляется довольно убедительной.

Однако переводчику всегда следует быть осторожным, когда он имеет дело с таким писателем, как Эдгар По, который, по выражению Ш. Бодлера, «писал слишком необычным стилем» («trop au-dessus du vulgaire¹»). Сам Бодлер, создав, как утверждают критики, «непревзойденный» перевод прозы американского писателя на французский язык, считал, что переводить Эдгара По-поэта — «задача почти невыполнимая»².

Уместно напомнить здесь переводческий принцип Бодлера — переводчика Эдгара По: «Нужно подчиниться и принять вещь такой, какова она есть. Особенно следует стараться б у к в а л ь н о п р и д е р ж и в а т ь с я т е к с т а. (разрядка моя — В. Т.) Кое-что стало бы иным образом непонятно, если бы я захотел произвольно толковать (paraphraser) моего автора, вместо того, чтобы рабски (servilement) придерживаться буквы. Я предпочел писать затрудненным, а иногда и вычурным французским языком, но передать во всей правдивости философское мастерство Эдгара По».³ Таким образом, Бодлер не пропускал рассказы Эдгара По сквозь призму своей фантазии, чем, очевидно, и объясняется его переводческий успех.

Что касается перевода «Эльдорадо», можно с уверенностью утверждать, что здесь малейшее отступление от авторского текста самым неожиданным образом оборачивается против переводчика. В особенности следовало бы воздержаться от употребления стилистически ярко окрашенных слов типа *Ад*, *Скверна*, *Зло* и подобных им по двум причинам (не считая третьей — их нет в оригинале). Во-первых, Тень (pilgrim Shadow), которая встречается рыцарю в конце пути, — символ впечатляющий, но весьма неопределенный⁴, к тому же она говорит языком автора и, следовательно, не может быть ему враждебной. (Ср.: “this knight so bold” и “Ride, boldly ride”, the Shade replied”.) Слово bold (*отважный, смелый*) — очень важное для понимания философского содержания стихотворения — повторяется здесь дважды неслучайно: ведь известно, как тщательно отбирал

---

¹ Ch. Baudelaire. L'art romantique, p. 113.

² Ibid., p. 197.

³ Ibid., p. 109.

⁴ За разъяснением пришлось бы обратиться скорее всего к Платону, либо поискать разные значения символа у самого Э. По.

Эдгар По слова при работе над поэтическим произведением. Во-вторых, введение в стихотворный текст таких слов, как *Ад*, *Смерть* и пр., ставит предел авторским стремлениям и надеждам, а между тем похоже, что его там нет. Подтверждение этой мысли можно, не слишком углубляясь в мир платоновских идей, найти в философской прозе самого Эдгара По, и в частности в рассказах «Беседа Моноса и Уны», «В смерти — жизнь» и др. В стихотворении, видимо, присутствует то, что К. Д. Бальмонт, один из первых и лучших переводчиков поэзии Эдгара По в России, называл «запредельностью».

Удачный перевод «Эльдорадо» на русский язык в наши дни сделан, думается, В. Васильевым¹. Он же и самый близкий к оригиналу. Там сохранена *Тень* во всех строфах, не нарушен «эффект *crescendo*», найден точный и звучный эквивалент слова *knight* — *паладин*, уместно введен эпитет *таинственный*, созвучный авторскому замыслу («таинственный край Эльдорадо»). Гармоничное в целом звучание стиха не совсем, правда, соответствует оригиналу, где меняющийся размер (так называемый хореймб) как бы передает бег лошади², в переводе этот эффект пропадает.

Возвращаясь к вновь опубликованному переводу, о котором речь шла выше, приходится признать, что в нем по сравнению с оригиналом все меняется самым фантастическим образом: благородный рыцарь превращается в рыцаря наживы (*knight of fortune*(?)), Тень странника — в Чадо Зла, Долина Теней — в Долину Смерти, горы — в пещеры, а «таинственный край Эльдорадо» — в некое подобие Калифорнии после открытия в ней золота. Кроме того, поэт, по-видимому, надеется найти свое Эльдорадо, переводчик же настроен скептически («Ха!...»). Самый дух стихотворения изменился так неузнаваемо, что, заканчивая наш небольшой экскурс в область фантазии, нам остается лишь изумиться и вместе с переводчиком горестно спросить: «Куда ж, куда ж девалось «Эльдорадо»?

---

¹ Эдгар По. Лирика. Л., «Художественная литература», 1976, с. 103.

² См. об этом: F. Stovall. Edgar Poe the Poet. Charlottesville, 1969.

Я. И. Рецкер
(Москва)

О САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ НАЧИНАЮЩЕГО ПЕРЕВОДЧИКА

При подготовке специалиста любого профиля в стенах высшего учебного заведения самостоятельной работе студента придается все большее значение. Из практики советской высшей школы настойчиво изгоняются остатки школярства, начетничества, догматизма. Всемерно поощряется творческая инициатива учащегося, его стремление к глубокому проникновению в теоретические основы и к совершенствованию практических навыков в избранной им области. Конкретное отражение эти тенденции находят в учебных планах, предусматривающих дни самостоятельной работы на старших курсах вузов.

Несомненно, специфика профессии переводчика требует и всегда будет требовать систематической самостоятельной работы, непрерывного и настойчивого совершенствования своих знаний, умений и навыков. При этом особое значение приобретает начальный период самостоятельной работы в стенах вуза, где будущий переводчик-референт может выбрать правильное направление самоподготовки при помощи опытного преподавателя.

Многолетний опыт наблюдений над самостоятельной работой студентов в трехлетний период занятий по переводу (на III—V курсах факультета переводчиков) и над практической работой по специальности многих наших выпускников приводит к выводу, что правильно поставленное самосовершенствование имеет огромное, подчас решающее значение для дальнейшего роста специалиста.

Следует подчеркнуть: самостоятельная работа может дать большой эффект только при условии правильно избранного и рационально поставленного направления работы. Достаточно упомянуть об опасности увлечения художественным переводом, когда для успешной работы в этом труднейшем из всех жанров у студента нет достаточных данных. Для перевода художественной литературы на родной язык

необходимо обостренное чувство языка и литературный талант. Правда, и то, и другое можно развить, но только при наличии основы, без которой самая упорная тренировка не даст положительных результатов.

Даже опубликование новелл и рассказов английских и американских писателей в переводах наших выпускников различными периодическими изданиями (всего их напечатано около двадцати за последние семь лет) не служит гарантией того, что эти переводчики займут прочное место среди мастеров художественного перевода. Среди этих опубликованных переводов есть и удачные дипломные работы, выполненные с помощью преподавателя, другие явно свидетельствуют о том, что переводчик совершил «покушение с негодными средствами». И прежде всего потому, что взялся за слишком трудного для него автора.

Спору нет, вдумчивая и тщательная работа над переводом художественного текста приносит определенную пользу даже переводчику, не собирающемуся специализироваться в этой области. Ведь художественный текст с наибольшей полнотой отражает живую разговорную речь и национальную специфику иностранного языка. Но, с другой стороны, неудачи на этом поприще нередко приводят к тому, что переводчик, разочаровавшись в полученной им специальности, решает переквалифицироваться и перечеркивает весь пройденный им путь.

Поскольку художественный перевод нередко допускает различные решения, он не может служить школой точности в процессе обучения и совершенствования. Показательно, что некоторые признанные мастера художественного перевода пришли к нему от перевода технического или публицистического. Эффективным средством повышения квалификации переводчика на всех этапах его практической деятельности может служить анализ переводов. Разумеется, на разных этапах нужно выбирать для анализа дифференцированный по степени трудности материал. На первом этапе, когда у переводчика еще отсутствует собственный опыт практической работы, лучше всего начинать с анализа публицистического перевода. И конечно, для начала следует выбрать высококачественный перевод, выполненный мастерски.

Не менее важно, чтобы анализ был целеустремленным. Прежде чем приступить к анализу готового, опубликованного перевода, следует перевести иностранный текст самому, а уже затем приступить к анализу образцового перевода.

Сопоставление собственного перевода с опубликованным можно осуществлять разными способами. Можно начать со сверки последнего с подлинником и изучения приемов, которыми пользовался признанный мастер перевода, преодолевая лексические, грамматические и стилистические трудности иностранного текста. Только при такой систематической проверке приемов у анализирующего перевод создается отчетливое представление о технике переводческого мастерства. Только сопоставляя все случаи перестановок и грамматических замен, можно проникнуть в тайны изменения порядка слов и членов предложения, выбора синтаксических конструкций при переводе с одного языка на другой, короче говоря, постигнуть систему грамматических изменений.

Важно учитывать, что, как и самый процесс перевода, анализ перевода должен быть комплексным. Это значит, что нельзя рассматривать грамматическую канву в отрыве от лексико-фразеологического и стилистического характера текста. Нельзя критиковать изменения синтаксического рисунка, разбивку предложений подлинника на части или их объединение в переводе, не учитывая их лексического наполнения и стилистической окраски. Переводчик оперирует смысловыми группами, своего рода «сборочными узлами», в которых грамматика, лексика, стиль сливаются в единое и неразрывное целое.

Чтобы облегчить сопоставление своего перевода с опубликованным и наметить ход анализа, целесообразно сначала проанализировать отрывок из опубликованного перевода книги, а уже потом взять другой отрывок для самостоятельного перевода и последующего сопоставления с опубликованным. Подобный опыт был проделан с выпускниками переводческого факультета МГПИИЯ на материале талантливого перевода автобиографической книги У. Сомерсета Моэма «Подводя итоги». Сначала был произведен анализ перевода следующего отрывка из 3-ей главы:

“In this book I am going to try to sort out my thoughts on the subjects that have chiefly interested me during the course of my life. But such conclusions as I have come to have drifted about my mind like the wreckage of a foundered ship on a restless sea. It has seemed to me that if I set them down in some sort of order I should see for myself more distinctly what they really were and so might get some kind of coherence into them. I have long thought I should

like to make such an attempt and more than once, when starting on a journey that was to last for several months, have determined to set about it. The opportunity seemed ideal. But I have always found that I was assailed by so many impressions, I saw so many strange things and met so many people who excited my fancy, that I had no time to reflect. The experience of the moment was so vivid that I could not attune my mind to introspection". (W. Somerset Maugham "The Summing Up", ch. 3)

«В этой книге я постараюсь привести в порядок свои мысли о тех предметах, которые больше всего занимали меня на протяжении моей жизни. До сих пор выводы, к которым я пришел, носились у меня в голове, как обломки корабля в бурном море. Мне все казалось, что, закрепив их на бумаге в известной последовательности, я смогу объединить их в нечто целое. Я уже давно подумывал о том, чтобы заняться этим, и не раз, отправляясь в долгое путешествие, решал, что вот теперь для этого наступило самое подходящее время. Но меня всегда захлестывало столько впечатлений, я видел столько нового, встречал столько людей, завладевших моим воображением, что некогда было спокойно подумать. Я так интенсивно жил настоящим, что хоть убей, не мог настроиться на интроспективный лад». (У. Сомерсет Моэм «Подводя итоги». Пер. М. Лорие, с. 17)

В этом отрывке отчетливо звучит голос автора, спокойно и неторопливо рассказывающего о своем жизненном пути. Язык его повествования очень прост; в данном отрывке только два книжных слова: *coherence* и *introspection*. Но и эти включения, характеризующие внутренний мир писателя-мыслителя, нисколько не нарушают общего разговорного тона повествования. Простота и разговорность языка сочетаются у автора с точным и метким выбором слов и впечатляющей выразительностью образов. Он сравнивает выводы из своих наблюдений: "like the wreckage of a foundered ship on a restless sea" «как обломки корабля в бурном море». В этом сравнении опущение определения *foundered* в переводе несомненно оправдано: каждое лишнее слово ослабляет восприятие образа.

Уже в первом предложении стремление к выбору простых, разговорных, коренных русских слов в переводе со всей определенностью сказывается в передаче сочетаний: "to sort out my thoughts" «привести в порядок свои мысли»

и "that have chiefly interested me" «которые больше всего занимали меня».

Русский язык, как правило, требует большей конкретности, чем английский. Это особенно ярко обнаруживается в переводе третьего предложения, где так конкретно и вместе с тем так точно и сжато выражена суть высказывания. О своих мыслях автор говорит: "...if I set them down in some sort of order" (...) "I might get some kind of coherence into them" «...что, закрепив их на бумаге в известной последовательности, я смогу объединить их в нечто целое». Здесь конкретизированы два момента, выделенные мною в переводе. Важно учесть, что здесь заменено и книжное слово coherence. Очень удачно объединение в переводе фразы "the opportunity seemed ideal" с предыдущим предложением, так как они составляют логическое целое. И здесь разговорное начало проводится переводчиком неуклонно: вместо «идеальной возможности» более разговорное «самое подходящее время».

Необходимо учитывать, что значительная часть английской лексики, связанной своим происхождением с латынью, настолько органично вошла в литературно-разговорный стиль речи, что несколько не выделяется на общем разговорном фоне, даже среди большинства слов англо-саксонского происхождения. Но когда в русском языке имеются слова, построенные на тех же латинских корнях, пусть даже заимствованных из французского языка, то их использование в переводе придает налет книжности, утяжеляет разговорную речь. В этом отрывке таких слов немало, и все они заменены исконно русскими словами в переводе. В первом предложении это sort и interested. В последних — reflect, experience, moment и introspection. Переводчица оставила только последнее как термин, замена которого потребовала бы слишком пространным объяснением: «сосредоточенность на самом себе, на своих собственных переживаниях». Но она смягчила этот «ученый» элемент, добавив: «не мог настроиться на интроспективный лад».

В конце отрывка мы находим яркое подчеркивание экспрессии в передаче выражений: "I was assailed by so many impressions..." «Но меня всегда захлестывало столько впечатлений...» "...so many people (...) excited my fancy, that I had no time to reflect" «встречал столько людей, завладевших моим воображением, что некогда было спокойно подумать». Простота языковых средств сочетается здесь с точностью и выразительностью.

Слишком эмоциональное «хоть убей» в последней фразе может показаться на первый взгляд излишней переводческой вольностью. Но только на первый взгляд. Вчитываясь в текст проникнутого тонкой иронией повествования Сомерсета Моэма, поражаешься его умению сочетать на языковой палитре самые разнообразные краски, переходить от возвышенного и даже патетического к низменному, вкрапливать в высоко-интеллектуальную ткань описаний и рассуждений коллоквиализмы и даже просторечие. Эта многокрасочность его стиля особенно чувствуется на страницах, где он, еще начинающий писатель и драматург, сталкивается с признанными «мэтрами» в тогдашнем литературном мире и рисует их сатирические портреты.

Далеко не всегда у переводчика есть возможность передать стилистический прием именно там (и тем более так), где и как это сделано в подлиннике. Часто это неосуществимо из-за «сопротивления материала», из-за специфики английского языка. Например, один из излюбленных приемов Моэма: использование двойного управления с разными предлогами или предложными наречиями. У него этот прием может подчеркивать важнейшую мысль, как например, в следующих двух случаях:

“In fact the great critic must be a great man. He must be great enough to recognize with good-humoured resignation that his work, though so important, can have but an ephemeral value; for his merit is that he responds to the needs of, and points the way to, his own generation.” (Ch. 60).

Или на следующей странице: “The writer does not feel with, he feels in” «Писатель не сочувствует, он чувствует за других». Так передана эта лаконичная фраза в переводе М. Ф. Лорие. Аналогичный прием компенсации применен и в случае с включением «хоть убей», упомянутом выше.

Способность анализировать чужой перевод и критически подходить к своей работе можно развивать, тщательно разбирая результаты и неудачных опытов, анализируя слабые переводы (к счастью для читателей, они все реже проникают в печать в последние годы). Таким примером является перевод романа Дж. Б. Пристли «Герой-чудотворец»¹, изданный в Алма-Ате в 1960 году, где на каждой странице можно отме-

---

¹ Даже название романа “Wonder Hero” («Калиф на час») искажено в данном переводе.

тить ошибки, неточности, насилие над русским языком (этот перевод был высмеян в «Литературной газете»). Но лучше остановить выбор на переводе, выпущенном центральным издательством, например, издательством «Художественная литература», к тому же в серии «Роман-газета», выходящей полумиллионным тиражом.

В переводе романа Димфны Кьюсак «Жаркое лето в Берлине» (Москва, 1963 г.), наряду с несомненными достоинствами, можно отметить целый ряд промахов. Анализ ошибок и, в частности, буквализмов в этом переводе в целом ряде случаев можно осуществить, даже не заглядывая в подлинник. «Слуга, облаченный в форму» — явно «в ливрею». «Скатерть из тончайшего дамасского полотна», конечно, «камчатая скатерть». «Я лежала в госпитале» вместо «в больнице». Трудно догадаться, что фраза «у старого британского льва есть еще порох в пороховнице» (этот переводческий «тарас-бульбизм») замещает английское *there is still plenty of kick left in the old British lion*.

Следует обратить особое внимание на русский язык этого перевода. Можно подумать, что роман переводили два переводчика: один с несомненными способностями, находчивый и свободно владеющий богатством русского языка, и другой — косноязычный и непростительно небрежный. У первого при сверке с подлинником можно отметить немало переводческих находок и хорошее чувство стиля. Второй обнаруживает полную беспомощность даже там, где достаточно было бы заглянуть в англо-русский словарь, и поразительное пристрастие к употреблению руссизмов, советизмов и просторечия даже в авторском повествовании. Именно эта редкая для издаваемых у нас переводов мешанина делает данный роман в упомянутом переводе особенно ценным материалом для самоусовершенствования начинающих переводчиков. Чтобы дать представление о типичных случаях нарушения норм русского языка в этом переводе, достаточно привести следующие примеры:

«Карен невозмутимо принялась приводить в порядок свой грим с помощью продолговатой сумочки».

«Джой на секунду показалось, что она в двух лицах».

«Для женщин демократической страны вы недурно вышколены».

«Я слушаю разглагольствования о роли Западной Германии как защитника христианской цивилизации какого-нибудь субъекта».

В приведенном выше перечне даны лишь немногие примеры из перевода «Жаркого лета в Берлине». При тщательном сопоставлении с подлинником можно было бы в несколько раз увеличить число ошибок, неточностей и нарушений норм русского языка. Наряду с этим следовало бы отметить и несомненные удачи в этом переводе. Разумеется, подобный анализ перевода должен сопровождаться аргументацией: объяснением всех положительных и отрицательных моментов перевода. При этом следует избегать субъективных оценок и спорных моментов. Ведь перевод не арифметическая задача, допускающая лишь одно единственное решение. Объективность оценок обеспечивается языковыми нормами и обычаями. Если речь идет о смысловой точности, то во многих случаях вопрос решается словарем. Если же требуется контекстуальное раскрытие значения, не предвиденного никакими словарями, то здесь вступают в силу факторы, для учета которых необходимо считаться не только с узким контекстом, но порой с содержанием всего переводимого текста в целом.

Большую помощь при анализе переводов может оказать не только англо-русский (особенно двухтомный) словарь, но и толковые англо-английские словари, а также самый полный 17-томный словарь современного русского литературного языка. Именно в этом словаре, как правило, можно найти подтверждение правильности сочетаний и выражений, употребленных переводчиком. Конечно, словарь фиксирует привычные, устоявшиеся языковые формы. Там, где от переводчика требуется преобразование структуры английского предложения или замена образа, не свойственного русскому языку, вопрос решается знаниями, вкусом и умением самого переводчика. Этого ни один словарь не заменит.

За последние годы в нашей специальной печати появилось несколько работ, в которых детально разбираются переводы. Эти критические статьи могут оказать большую помощь начинающему переводчику, особенно когда они сопровождаются глубоким анализом подлинника и подробно и конкретно рассматривают достоинства и недостатки перевода.

Среди работ такого рода выделяется своей ценностью статья М. Лорие «Уловки переводчиков»¹, опубликованная

---

¹ См. «Мастерство перевода». Сборник седьмой. 1970. М., «Сов. писатель», 1971, с. 334—358.

в «Мастерстве перевода». Это детальный анализ далекого от совершенства, мягко выражаясь, перевода романа Джозефа Хеллера «Уловка-22», даже само название которого искажено переводчиками.

Интересна и заслуживает внимания переводчиков статья Н. Семеновой «О переводе одного рассказа И. Шоу»¹. В ней также приводится подробный анализ систематического нарушения смысловой и стилистической адекватности в переводе.

Очевидно, прежде чем попытаться анализировать чужие переводы самому, начинающий переводчик должен тщательно проштудировать образцы анализа и критики, выполненные мастерами перевода и литературоведами.

Т. В. Караичева
(Минск)

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ СТРУКТУР С ПРОИЗВОДНЫМ ИМЕНЕМ ДЕЯТЕЛЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Данная статья основана на сравнении текстов переводов на русский язык с оригиналами на английском языке. При этом текст перевода рассматривается как результат определенных трансформаций текста оригинала, при которых сохраняется семантический инвариант. В данной статье ставится задача установить область синтактико-семантических соответствий в русском языке для определенной синтактико-семантической структуры английского языка, а именно: производного имени деятеля. При этом производное имя деятеля рассматривается как одна из манифестаций в поверхностной структуре глубинной структуры, выражающей связь между лицом и действием (вернее, совокупность и лица и производимого им действия). Так, в согласии с работами Р. Лиза², Н. Хомского³ и др. производное имя деятеля

---

¹ См. «Тетради переводчика», № 9. М., «Международные отношения», 1972, с. 91—100.

² R. B. Less. The Grammar of English Nominalizations. The Hague, 1963.

³ Н. Хомский. Аспекты теории синтаксиса. М., Изд-во МГУ, 1972.

представляется номинализацией в поверхностной структуре
глубинной глагольной структуры

teacher — (he teaches)

В отличие от Г. Марчанда¹ и некоторых других исследователей, мы не включаем в группу производного имени деятеля слов, не выражающих непосредственного носителя действия, обозначенного глаголом основы, то есть таких, которые характеризуют лицо по другим признакам — отношению к предмету, с которым связана деятельность (geographer), месту (backbencher) и т. д. Анализу подлежали слова, имеющие в толковых словарях описание $V + er$ — one who $V + s$.

Если исходить из теории Ю. Найды² о том, что передача семантического инварианта осуществляется путем анализа до околоядерного уровня, затем переключения и изменения структуры в языке перевода, то в данном случае будет переводиться не само производное, номинализованное имя деятеля, а соответствующая ему глубинная структура. Как указывает Ю. Найда, в практическом плане это обычно означает, что в ядерных структурах объекты представлены существительными, события — глаголами, абстрактные понятия — прилагательными, наречиями, стивными глаголами, а связующие слова — рядом различных классов: предлоги, союзы, порядок слов³. Следовательно, нужно полагать, что в данном случае околоядерная структура будет выглядеть так:

$V + er$ — one who $V + s$ — he $V + s$

и переключение происходит скорее всего именно на этом уровне, хотя, возможно, анализ проводится в каждом случае до определенного, нужного для снятия многозначности уровня глубины. Такие примеры даются в работах А. Д. Швейцера⁴. Во всяком случае эти преобразования

---

¹ H. Marchand. The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. A Synchronic-Diachronic Approach. University of Alabama Press, 1966.

² Ю. Найда. Наука перевода. «Вопросы языкознания», 1970, № 4.

³ См. там же, с. 7.

⁴ А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. М., «Воениздат», 1973, с. 81, 88.

синонимические и оставляют неизменным семантический инвариант. Определенному набору структур, синонимичных производному имени деятеля в английском языке, соответствует определенный набор синонимичных структур в русском языке.

Конструкции с производным именем деятеля в английском языке переводятся структурами из этого набора. Уже установлены некоторые соответствия, даны трансформации, необходимые для их установления. Примеры можно найти у А. Д. Швейцера¹: “She is a poor planner. — She plans poorly” — «Она нерасчетливо ведет хозяйство» и у Я. И. Рецкера, в работе которого мы находим: «Пожалуй, наиболее распространенным приемом грамматических трансформаций следует считать замену английских и французских существительных русскими глаголами»². Сам перевод (переключение) идет по линии синонимического преобразования в сторону большей разрешающей способности — синонимия — толкование в том смысле, в каком его понимает Е. В. Падучева.³ Какие именно трансформации применялись переводчиками в тех или иных случаях, судить трудно, имея лишь готовые переведенные тексты, но можно отметить те синонимичные между собой структуры русского языка, которые служат эквивалентами данной структуры в английском языке. Затронув вопрос эквивалентности, необходимо отметить, что любой перевод — это признание существования эквивалентности в той или иной степени. За основание для перевода, нам кажется, следует брать теорию динамической эквивалентности Ю. Найды.

Разумеется, в каждом переводе есть доля субъективности. Так, в переводах встречаются случаи, когда значение английской структуры вообще не передается на русский язык. Например, такие предложения, как “He is no deep thinker” (F. Knebel, Ch. Bailey. *Seven Days in May*) или “She is a charmer. Likes to have people about her” (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II) вообще оказались непереведенными.

Это наиболее явные отклонения; есть случаи перевода, которые представляются спорными, но в целом бесспорно,

---

¹ А. Д. Швейцер. Указ. соч., с. 87.

² Я. И. Рецкер. Теория перевода и переводческая практика. М., «Международные отношения», 1974, с. 82.

³ Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). М., «Наука», 1974, с. 6.

что переводы являются эквивалентами оригинальных текстов.

При сравнении текстов переводов с оригиналами было обнаружено, что английскому производному имени деятеля в русском языке соответствуют:

I. Именные структуры

1) существительное: She is a *publisher*, the girl. (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*)

Эта девушка — *издатель*.

2) именная фраза: "Could you perhaps keep a few of your men here until *the investigators from the airline arrive?*" (F. Knebel, Ch. Bailey. *Seven Days in May*)

...не могли бы вы оставить здесь несколько солдат до прибытия *следственной комиссии* авиакомпании.

3) прилагательное: "I'm not much of a *believer*." (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*)

— Я не такой уж *суеверный*.

II. Глагольные структуры

1) глагол: "She's a dancer," I said. "Ballet and all." (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*)

— Она *танцует*, — сказал я. — Занимается балетом.

2) причастие: "And — most important — *nine times out of ten they have more humility than the unscholarly thinker*." (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*)

— И что самое важное. В девяти случаях из десяти люди науки гораздо скромнее, чем люди неученые, хотя и мыслящие.

III. Развернутые объяснительные обороты

1) причастный оборот: Soames looked at the *owner of the name*. (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II)

Сомс посмотрел на *особу, носившую* такую фамилию.

2) придаточное определительное предложение: ... but it stopped, the *player* — she or not she — would be no longer visible. (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II)

... но когда она (музыка) окончится, *того, кто играет* — будь то он или она — уже не увидишь.

3) обороты, являющиеся результатом различных лексических трансформаций, о которых идет речь в работах

Я. И. Рецкера¹, а также Т. Р. Левицкой и А. М. Фитерман².

“When I get investigated for taking favours from a *defense contractor*, at least, I'll be in good company.”
(F. Knebel, Ch. Bailey. *Seven Days in May*)

— По крайней мере, я окажусь в хорошей компании, когда меня привлекут к ответственности за получение подношений от *фирмы, выполняющей оборонные заказы*.

Таким образом, сам факт соответствия таких разных поверхностных структур русского языка производному имени деятеля в английском языке еще раз подтверждает правильность гипотезы о существовании единого семантического инварианта для целого ряда поверхностных синтаксических структур двух или нескольких языков. Об этом пишет Л. С. Бархударов.³

Однако подвергнутые анализу производные имена деятеля (570 случаев) были крайне неоднородны, хотя и являлись результатом одного и того же процесса номинализации. Среди них были как сложные: “In his cab he mentally rehearsed Sir James Foskisson in the part of the *cross-examiner*” (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*), так и простые: “He was a bad *winner* and a good *loser*” (W. S. Maugham. *The Moon and Sixpence*).

Различны они и по семантике. Существует несколько классификаций производных имен деятеля по семантическим признакам. Наиболее распространена классификация по признакам глаголов, входящих в структуру номинализованного имени.

1. Глаголы, обозначающие профессиональную деятельность.

2. Глаголы, обозначающие деятельность, свойственную данному лицу.

3. Глаголы, обозначающие случайное действие, выполняемое лицом в данный момент.⁴

Своеобразную классификацию дает Т. Мак-Артур.⁵

---

¹ См. Я. И. Рецкер. Указ. соч.

² См. Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. Пособие по переводу с английского языка на русский. М., «Высшая школа», 1973.

³ См. Л. С. Бархударов. О поверхностном и глубинном синтаксисе. «Иностранные языки в школе», 1974, № 1, с. 31.

⁴ См., напр., О. Б. Шахрай. К вопросу о суффиксальной полисемии и омонимии. «Филологические науки», 1969, № 6.

⁵ McArthur. *Building English Words*. Ldn., 1972.

Разумеется, деление это во многом условно, так как английские глаголы весьма многозначны, и, кроме того, производное имя деятеля, данное в словаре как набор определенных значений, получает затем дальнейшее уточнение в контексте.

Из отобранных 570 примеров 191 обозначал лицо, выполняющее профессиональную деятельность, например: "If I were a *piano player* I'd play it in the goddam closet" (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*); 262 — лицо, определенное через свойственную ему повторяющуюся деятельность. Например: "He could never buttonhole the ordinary voter" (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II) и 117 — лицо, выполняющее какое-то действие в данный момент:

Eventually the *fighters*, each having suffered equal damage to indifferent features of the face were parted by the *onlookers* to save the intervention of the police. (M. Spark. *The Ballad of Peckham Rye*)

При анализе переводов наблюдается интересная картина. Переводчики передают первую группу в основном именными конструкциями (185 случаев из 191). Например, перевод предложения, данного выше:

«Если бы я был *пианистом*, я бы заперся в кладовке и там играл.»

В этой группе нет ни одного случая перевода причастиями, причастными оборотами или придаточными предложениями и есть лишь 7 случаев переводов оборотами, получившимися в результате лексических трансформаций.

При переводе второй группы основная масса структур также переводится именными (186 из 262), но здесь наблюдается и увеличение доли глагольных структур (59). Интересно отметить, что из всех случаев перевода глаголами львиная доля (37 из 47) приходится именно на вторую группу имен. Эта закономерность неоднократно отмечалась в исследованиях по теории и практике перевода¹.

Мы также предлагаем примеры:

"I am a hypocrite," he continued simply "I am a great *believer* in hypocrisy." (J. Le Carre. *A Small Town in Germany*)

---

¹ См. М. М. Фалькович. Возможные направления сопоставительных лексических исследований. «Иностранные языки в школе», 1973; № 1; Л. С. Бархударов. Язык и перевод. М., «Международные отношения», 1975.

Я глубоко верю в необходимость лицемерия.

He was an expert *swimmer and diver*. (T. Dreiser. *Typhoon*)

Он отлично плавал и нырял.

Здесь же относительно велика доля переводов с причастными оборотами и придаточными предложениями:

And yet that credit stood high still, soothing all with his "panache" — save, perhaps, *receivers* of the dole. (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II)

И все же пока что кредит Англии стоит высоко и всем импонирует, кроме разве тех, кто получает пособие.

Видимо, можно предположить, что в то время, как исторически сложились краткие, однозначные имена-названия профессий, служащие эквивалентами при переводе первой группы, обозначение других родов деятельности более многообразны по своей синтаксической структуре и при переводе чаще идут по линии трансформации толкования (в том смысле, в каком его понимают И. В. Арнольд¹ и Е. В. Падучева²).

Особенно ярко это видно на материале третьей группы — самой живой, динамичной. Из 117 случаев 63 переведены именными конструкциями, 26 — глагольными, остальные — придаточными предложениями, причастными оборотами, истолковывающими оборотами — результатами лексических трансформаций.

Для этой группы также характерно сравнительное обилие субстантивированных причастий среди именных конструкций — черта, которая отмечается и О. Д. Мешковым³, правда, безотносительно к характеру семантической группы.

He felt the *survivors'* hands holding him. (J. Le Carre. *A Small Town in Germany*)

...почувствовал, как руки *уцелевших* хватали его.

---

¹ См. И. В. Арнольд. Полисемия существительного и лексикограмматические разряды. «Иностранные языки в школе», 1969, № 5.

² См. Е. В. Падучева. Указ. соч.

³ О. Д. Мешков. Английские существительные с суффиксом -er и их русские эквиваленты. — В сб.: «Преподавание иностранных языков и его лингвистические основы». М., «Наука», 1972.

Именно в этой группе производное имя деятеля в одном и том же значении передается переводчиком то как причастный оборот, то как придаточное предложение.

"I was born in South Africa," said the *egg-beater*. (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II)

— Я родилась в Южной Африке, — сказала *та*, которая взбивала яйца.

"If it comes to that," said the *egg-beater*. (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II)

— Уж если на то пошло, — вмешалась *девушка*, взбивавшая яйца.

...broke in the *physical exerciser*. (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II)

...вмешалась *девушка*, занимавшаяся гимнастикой.

The *physical exerciser* slipped out. (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II)

Гимнастка исчезла.

Эти вариации вызываются, видимо, требованиями стиля, но важно то, что они возможны, притом в пределах определенной группы синонимичных структур, имеющих единый глубинный инвариант.

Если, как мы предположили вслед за Ю. Найдой, переключение происходит на уровне околядерной глубинной синтаксической структуры $V + er - he V + s$, то до этого же уровня идет и семантический анализ. Лексические единицы на этом уровне глубины представляются как наборы сем (семантических компонентов), и переводчик ищет эквивалент не лексической единице, а набору семантических компонентов. Затем, при последующем изменении структуры в языке перевода этот набор семантических компонентов может опять конституироваться в одно слово, или же отдельные компоненты выражаются разными лексическими единицами. Таким образом, получается, что семантический компонент — «лицо» находит выражение в словах, обозначающих лиц.

The egg-beater went towards the door. (J. Galsworthy. *A Modern Comedy*, P. II)

Девушка, взбивавшая яйца, направилась к двери.

"They say he's in trouble." "Who?" "*Talkers*." (J. Le Carre. *A Small Town in Germany*)

— Говорят, у него неприятности. — Кто говорит? — Люди.

А семантический компонент — «действие» «выходит на поверхность» как глагол или причастие.

“I’m quite a heavy *smoker* for one thing, that is, I used to be”. (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*)

— Во-первых, я *курю* как паровоз, то есть раньше курил.

Colonel Martin J. Casey was *director* of the Joint Staff. (F. Knebel, Ch. Bailey. *Seven Days in May*)

Полковник Мартин Дж. Кейси *возглавлял* объединенный штаб.

Другие, менее общие семантические компоненты, возможно, направляют трансформации при изменении структуры в языке перевода. Так, семантический компонент «профессиональная деятельность» определяет трансформацию номинализации, что дает в русском языке эквивалентное имя деятеля.

The *intelligence director* spoke quickly. (F. Knebel, Ch. Bailey. *Seven Days in May*)

Руководитель разведки продолжал.

Какие-либо обоснованные выводы делать на данном небольшом материале трудно; они требуют дополнительного анализа.

Что же касается зависимости структуры в русском языке от характера поверхностной структуры в английском языке, о существовании которой пишет О. Д. Мешков¹, то на данном материале она не наблюдалась за исключением трансформации именной структуры в глагольную, которая затем переводится “I am not a smoker,” — “I do not smo’ke” — «Я не курю».

Это, опять же, позволяет предположить зависимость поверхностных структур не друг от друга, а от единой глубокой структуры и в конечном итоге от семантического инварианта.

По мнению Е. В. Падучевой: «В построении отпредикатного имени предмета участвует не только номинализация, но и адъективизация: посетитель ↔ тот, кто посещает ↔ тот человек, который посещает.»² Очень вероятно, что на определенном уровне глубины синтаксическая структура производного имени деятеля именно такова, и это проявляется

¹ О. Д. Мешков. Указ. соч., с. 44.

² Е. В. Падучева. Указ. соч., с. 194.

при переводе, который среди прочих структур дает причастные обороты и определительные предложения.

It is fitting that *the bearer of important tidings* should be rewarded. (W. S. Maugham. *The Moon and Sixpence*)

По справедливости, тот, кто принес важные вести, должен быть вознагражден.

Говоря об определенных закономерностях, которые наблюдаются при сравнительном анализе английских оригинальных текстов и их русских переводов, нельзя не отметить и случаи их отсутствия.

Например, слово a liar. В данном анализе оно встречается 4 раза, обозначая лицо, для которого ложь не типична (третья группа), и 5 раз для обозначения человека, которому это качество свойственно (вторая группа). Логично было бы предположить, что перевод во второй группе будет опираться на именные конструкции («лгун», «врун», «враль» и т. д. в зависимости от стиля всего повествования), а в третьей — на глагольные. Однако во всех случаях недифференцированно употребляются только существительные и лишь в одном — именная конструкция («обвинение во лжи»).

“He says he’s heard of a Colonel Broderick, he thinks, hut he can’t recall ever talking to him and says he hasn’t the vaguest idea of where he might be”. “*Liar.*” Clark bit off the word angrily. (F. Knebel, Ch. Bailey. *Seven Days in May*)

— Лжец, — сердито отрубил Кларк.

“I’m the most terrific *liar* you ever saw in your life.” (J. D. Salinger. *The Catcher in the Rye*)

— Я ужасный лгун, такого вы в жизни не видали.

Причины этого отсутствия закономерностей в данном случае неясны. Однако перевод другими конструкциями в принципе возможен и здесь. И эти случаи тоже подчиняются общим закономерностям, указанным выше.

Таким образом, для синтактико-семантической структуры производного имени деятеля в английском языке существует область синтактико-семантических соответствий в русском языке. Поскольку набор поверхностных структур русского языка, соответствующих производному имени деятеля в английском языке, изоморфен английским поверхностным структурам, синонимичным производному имени деятеля, глубинная структура должна быть единой инвариантной для всех этих конструкций русского и английского языков,

и перевод может осуществляться путем переводческих трансформаций на околослобной структуре. При переводе конструкций с производным именем деятеля с английского языка на русский наблюдается некоторая зависимость типа синтаксической конструкции в русском языке от семантики имени деятеля в английском языке.

Л. Т. Микулина
(Москва)

ЗАМЕТКИ О КАЛЬКИРОВАНИИ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Калькированные переводы представляют собой не только лингвистический акт, но и явление культурного плана, ибо в процессе калькирования происходит соприкосновение двух культур. Однако именно этот момент обычно остается в тени при рассмотрении вопросов, связанных с калькированием. В настоящих заметках сделана попытка показать важность и необходимость учета культурных различий языковых коллективов при использовании такого способа перевода.

Судьба кальки с момента возникновения тесно связана с вопросами культуры. Уже само появление ее обусловлено контактом двух культур, так как калька возникает в результате усилий переводчика, на что неоднократно указывалось рядом лингвистов¹. Дальнейшая жизнь кальки, будь то слово или словосочетание, определяется совокупностью факторов культуры: социальной и культурной значимостью соответствующего денотата, степенью знакомства с ним и т. д. Иначе говоря, ассимиляция кальки — явление чрезвычайно сложное, подлежащее рассмотрению в диахроническом плане и обусловленное не только внутриязыковыми, но и целым рядом культурных и социальных факторов.

---

¹ См. Е. Курилович. Заметки о значении слова. «Вопросы языкознания», 1955, № 3, с. 78—79; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., «Просвещение», 1967, с. 138; К. Флекенштейн. О некоторых теоретических проблемах калькирования. — В кн.: «Этимологические исследования по русскому языку». М., Изд-во МГУ, 1966, с. 150; E. Naugеn. The Analysis of Linguistic Borrowings. — "Language", vol. 26, No. 2, p. 210—211.

Возникновение кальки, независимо от типов ее¹, еще не является фактом языка: калька становится им, то есть приобретает права гражданства, если она полностью ассимилируется в языке, получает общее признание и распространение, постепенно утрачивает характер «маркированности» и воспринимается как исконная единица данного языка. В этом случае калька должна фиксироваться одноязычным словарем как инновация, вошедшая в язык и обогатившая его.

Калька может получить известное распространение в языке, но оставаться при этом «экзотизмом», ибо соответствующий ей денотат чужероден для данной культуры. Видимо, именно так следует рассматривать значительную часть калькированных русских слов и выражений в английском языке, совершенно четко для носителей языка соотносящихся с русской культурой. Примерами подобных калек могут служить: *Old Believer*, *collective farm*, *Supreme Soviet*, зафиксированные рядом английских толковых словарей, *Palace of Culture*, *pioneer camp* и др., широко распространенные в прессе. Их употребительность в английском языке зависит от степени знакомства с русской культурой, что, в свою очередь, обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как наличие и популярность переводов советской литературы на английский язык, освещение нашей действительности в прессе, кино, телевидении, развитие межкультурных контактов и т. д.

И наконец, можно говорить о калькированных выражениях окказионального характера, встречающихся в переводах и отличающихся нередко необычной формой выражения, так как они могут нарушать языковую норму и узус английской речи. Их употребление ограничено, как правило, рамками одного перевода. Например, калькированные выражения *to have eaten forty pounds of salt together* (русск.: 'съесть пуд соли'), *ideological inspirer* (русск.: 'идейный вдохновитель', 'идеолог'), *Potyomkin village* (русск.: 'потемкинская деревня')². При отсутствии соответствующих пояс-

---

¹ О различных типах калек см. следующие работы: Л. П. Ефремов. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата, Изд-во Казах. гос. ун-та, 1974; К. Флекенштейн. Указ. соч.; М. А. Хегай. К понятию кальки. «Ученые записки Ташкентского пединститута», т. 45, вып. 3, 1964; Н. М. Шанский. Лексические и фразеологические кальки в русском языке. «Русский язык в школе», 1955, № 3, с. 28—35; Е. Науген. *Op. cit.*

² Материал для данной работы взят из переводов на английский язык романов В. Аксенова, Д. Гранина, В. Шукшина, В. Пановой, выполненных в Советском Союзе.

нений часть подобных калек либо совершенно непонятна, либо может восприниматься неверно. Оккациональный характер их употребления и узкая сфера распространения настоятельно требуют экспликации их объема информации либо в самом контексте, либо в пояснениях к нему; при ее отсутствии подобное калькирование становится буквализмом в переводе, не учитывающим ни внутриязыковых факторов, ни различий культур.

Калькированные выражения оккационального характера, созданные без учета языковых и внеязыковых факторов, могут выполнять определенную стилистическую функцию в тексте¹. Злоупотребление же ими без особой надобности может свидетельствовать лишь о недостаточном мастерстве переводчика.

Итак, можно сделать вывод, что с момента своего рождения калька представляет собой не только языковое явление, но и культурный факт, судьба которого в значительной степени определяется социальной и культурной значимостью денотата.

Однако наряду с такой внешней связью существует еще глубокая внутренняя связь калькирования с культурой, культурная обусловленность семантического плана кальки. В процессе калькирования воспроизводится, прежде всего, основное значение слова или «первичная семантическая функция слова» (термин Е. Куриловича). Сущность же калькирования состоит в том, что созданному таким путем слову или словосочетанию придается вторичное, переносное значение или «вторичная семантическая функция»², свойственная калькируемому иноязычию. При этом должна соблюдаться известная пропорция между основным и производным значением иноязычия и основным и производным значением кальки³. Однако стройность этой пропорции мо-

---

¹ См. по этому вопросу интересную статью П. С. Попова об использовании «галлицизмов», калькированных выражений с французского языка, в творчестве А. Н. Апухтина, где они являются стилистическим средством характеристики действующих лиц (П. С. Попов. Различные типы нарушений правильности речи и их значение для выяснения характера взаимоотношения языка и мышления. — В сб.: «Язык и мышление». М., «Наука», 1967, с. 162—165).

² Е. Курилович. Указ. соч., с. 73—81.

³ Там же, с. 78. Отношения между иноязычием и калькой Е. Курилович представляет в виде пропорции. Однако в общем идея переноса «вторичной семантической функции» не нова и высказывалась лингвистами ранее как передача «внутренней формы» слова или внутренней мотивировки слова или словосочетания.

жет нарушаться различными семантическими напластованиями у слова-кальки (иными переносными значениями, ассоциациями, являющимися результатами языковой практики).

В том случае, если подобные напластования, уже имеющиеся в слове-кальке, не соответствуют вторичной семантической функции иноязычия, калькирование нельзя признать удачным. Например, перевод русск. *орел* в значении 'гордый, храбрый человек', слова с яркой положительной окраской, при помощи английской кальки *eagle* едва ли является правильным, тем более, если контекст семантически не поясняет это значение, ибо англ. *eagle* не имеет сходных переносных значений, соответствующих русскому оригиналу. Английскую кальку *to work like donkeys* (русск.: 'работать как ишак') также трудно признать удачной, так как англ. *donkey* (как и его синоним *ass*) чаще всего обладает отрицательными коннотациями, означающими 'глупый, упрямый' (о человеке).

Наряду с передачей переносных значений, при калькировании можно еще говорить и о воспроизведении того объема информации, который стоит за калькируемым выражением (иноязычием), особенно в тех случаях, когда речь идет о незнакомых или малознакомых денотатах. Возьмем в качестве примера англ. *People's Court* (русск. 'Народный суд') и англ. *People's Theatre* (русск. 'Народный театр'). Однородность таких английских калек (наличие у них общего элемента — *People's*) может создать впечатление наличия у них одинаковых «вторичных значений», одинакового объема информации, однако в русском языке они будут различаться хотя бы по отсутствию/наличию семы — 'профессиональный/любительский'. Совершенно очевидно, что при подобном однотипном калькировании без поясняющего контекста или комментария, которые могли бы раскрыть объем информации слов, правильное воспроизведение этих калек носителем английского языка не может быть достигнуто.

Вопрос о переносе «вторичной семантической функции» очень сложный и тонкий; он тесно связан с культурой соответствующих языков и требует от переводчика большого мастерства, знания не только языковых, но и культурных различий.

Особенную опасность в процессе калькирования представляет наличие в языке слов и словосочетаний, совпадающих с кальками. При отсутствии соответствующих пояснений кальке будет приписываться иная семантическая функ-

ция и иной объем информации, не свойственный русскому оригиналу. Например, русск.: *общественная работа, общественная жизнь* и *общественник* нередко калькируются на английский язык следующим образом: *social work, social life, social worker*. Однако в результате проведенного опроса английских информантов выяснились значительные расхождения в объеме информации между русскими словосочетаниями и соответствующими кальками, которые без пояснений принимались за уже имевшиеся в языке единицы. Данные английских толковых словарей также подтверждают наличие значительных расхождений. Англ. *social life* означает всякое общение с людьми, включая посещение платных курсов, театров и ресторанов, англ. *social work* означает, в основном, 'помощь беднякам, обычно оплачиваемую местными властями.'

Совершенно очевидно, что переводчик не может не учитывать подобных расхождений как в объеме информации, так и в семантических ассоциациях, сопровождающих слова и выражения и обусловленных в первую очередь различиями двух культур. Проведенный опрос английских информантов выявил не только недостаточное знакомство с нашей культурой, но и возникновение ложных ассоциаций в целом ряде случаев при интерпретации калек¹. Само собой разумеется, что данные небольшого эксперимента не могут считаться абсолютно надежными и окончательными, однако они несомненно важны уже тем, что показывают необходимость учета при калькировании как культурных, так и языковых различий². При наличии насыщенного контекста «вторичная семантическая функция слова» и частично объем информации калькируемого объекта могут вскрываться и поясняться

---

¹ Выяснилось, например, что при отсутствии пояснений в контексте информанты, очень поверхностно знакомые с нашей культурой, неверно понимают значение кальки *Master of Sports*, что у них ассоциируется не с высокой ступенью спортивного мастерства, а вызывает ассоциации, связанные со значением слова *master* — *учитель*.

² В одной из работ подчеркивалось, что в результате культурных и социальных различий целый ряд калек с русского языка в английском оказываются непонятными, непривычными, нарушающими нормы английской речи. Такие кальки, как *ideological work, ideological propaganda, ideological questions, ideological sabotage* и т. д. представляются английскому информанту, филологу по образованию, невозможными словосочетаниями. Очевидно это в значительной степени обусловлено различиями в объеме информации слов *идеология* и *ideology*; см. Г. И. А х м а н о в а, И. В. Г ю б б о н е т и др. Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины. М., Изд-во МГУ, 1971, с. 155.

самим контекстом. Семантически бедный контекст, отсутствие необходимой информации у носителей английского языка, а также значительная функциональная нагруженность слова-кальки в тексте требуют дополнительных пояснений, что далеко не всегда осуществляется в русско-английских переводах.

З. И. Сироткина
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ РУССКО-ИСПАНСКИХ И ИСПАНСКО-РУССКИХ РЕГУЛЯРНЫХ СООТВЕТСТВИЯХ В ОБЛАСТИ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

Главной задачей лингвистической теории перевода является определение объективно существующих закономерностей перехода от ИЯ к ПЯ. Для решения этой задачи следует «установить совпадения и расхождения в способах выражения идентичных значений в ИЯ и ПЯ и на этой основе выявить наиболее типичные способы преодоления этих расхождений («переводческие приемы»)»¹. Материалом для подобных исследований служат, как правило, уже выполненные переводы.

В данной публикации излагаются результаты анализа переводов с русского языка на испанский и с испанского языка на русский², проведенного с целью выявления (в границах простого предложения) регулярных соответствий в области передачи некоторых оттенков значения относительного времени, не имеющих в ПЯ «полной» аналогии.

Под относительным временем мы понимаем определение времени основного действия по отношению к любому моменту, помимо момента речи. Точку отсчета, по отношению к которой устанавливается относительное время, мы называем временным ориентиром. Временным ориентиром может быть как момент времени, определяемый названиями временных единиц или отрезков времени (например, день недели — *в субботу*, части суток — *утром*), так и время

---

¹ Л. С. Бархударов. Язык и перевод. М., «Международные отношения», 1975, с. 26.

² Сравнивались также русский и испанский переводы романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол».

какого-либо явления, события, другого действия (например, гроза — *перед грозой*, урок — *во время урока*, приезд — *после приезда*).

Временной ориентир может быть эксплицирован — назван в простом предложении «Он вернулся *после обеда*» или передан имплицитно, то есть выражен в пределах более широкого контекста, за рамками простого предложения «Он вернулся *через час*» (ср.: «Он вернулся *через час после отъезда Марии*»).

Этот подход к категории относительного времени основан на идее А. В. Бондарко о функционально-семантической категории темпоральности, охватывающей различные языковые средства выражения времени¹. При таком подходе, связанном не со структурой, а с функциональной общностью, в категорию относительного времени войдут все элементы контекста, обозначающие временные отношения (синтаксические конструкции разных видов, глагольные и отглагольные формы, словообразовательные элементы). Основой для их выделения служит общее семантическое значение — локализация на временной шкале основного действия относительно временного ориентира (ср.: «Они пришли *задолго до начала экзамена*» — «Они пришли *задолго до того, как начался экзамен*»).

Почему мы сочли нужным прибегнуть к понятию функционально-семантической категории?

В испанском языке, в отличие от русского, помимо системы абсолютных глагольных времен, существует система относительных глагольных времен, служащих для выражения отношения времени действия к какой-либо «временной оси», не являющейся моментом речи. Анализ переводов показывает, что, например, значение предшествования, выраженное в испанском тексте глагольными перфектными формами, в соответствующем тексте на русском языке или не эксплицируется вообще, или передается лексическими, а иногда лексико-синтаксическими средствами, то есть временными конструкциями (*заранее, перед этим* и т. д.). В таких случаях речь идет отнюдь не о тождестве временных признаков, выраженных глаголом и лексической или лексико-

---

¹ Функционально-семантическая категория «представляет собой систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций (например, функция выражения темпоральных или модальных отношений)». А. В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. Л., «Наука», 1971, с. 8.

синтаксической конструкцией, а об их соотносительности в коммуникативном плане.

Применение понятия функционально-семантической категории как раз и позволяет выявить подобные явления, имеющие самое прямое отношение к «переводческим приемам». Следовательно, при сопоставительном исследовании определенной функционально-семантической категории в двух языках (в данном случае категории относительного времени в русском и испанском языках), проведенном на основе анализа ряда уже выполненных переводов, можно получить данные о существующих закономерностях перехода от одного языка к другому.

Обратимся к материалам нашего исследования.

1. Характерной чертой испанского языка в сравнении с русским является наличие целого ряда типизированных способов выражения относительного времени в сочетании с планом абсолютного лингвистического времени.

а) Глагольные формы *Pluscuamperfecto* и *Futuro perfecto*, помимо значения предшествования, содержат информацию о локализации временного ориентира по шкале абсолютного лингвистического времени (формы *Pluscuamperfecto* связаны с областью прошедшего времени, а формы *Futuro perfecto* показывают, что значение предшествования устанавливается по отношению к какому-то моменту в будущем). Это дополнительное значение в русском языке передается синтаксическими, лексическими средствами (прежде всего темпоральными словами со значением предшествования), или чаще всего вообще не эксплицируется, будучи контекстуально обусловленным.

Habían visto otras mucho mejores. (I, 596)¹

Раньше бывало интереснее. (I, 554)

Había terminado el plan de la demolición y pasó a otra página... (I, 235)

Когда с техникой взрыва было покончено, он перевернул листок... (I, 350)

Camila había oído hablar de las vistas de movimiento... (II, 97)

Камила слышала про движущиеся картины... (II, 73)

---

¹ Первая цифра в скобках указывает на порядковый номер произведения в списке цитируемой художественной литературы, вторая — на страницы.

Рассматриваемые глагольные формы употребляются и в тех случаях, когда временной ориентир эксплицируется: «A las ocho de la mañana ya habían venido», «Habré llegado a las 5» и т. п. Как в первом, так и во втором случае действия, обозначаемые формами *habían venido* и *habré llegado*, предшествуют временному ориентиру (*las ocho de la mañana* и *las 5*). И поэтому различие между фразами «Llegaré a las 5» и «Habré llegado a las 5», по словам М. Бассольса, определяется не «качеством действия», а тем, что в первой фразе речь идет об одновременности основного действия и временного ориентира, а во второй — о значении предшествования¹. То же можно сказать и о фразах «A las ocho de la mañana ya habían venido» и «A las ocho de la mañana ya vinieron».

Именно поэтому вполне закономерны следующие испанко-русские соответствия:

A la caída de la tarde, apenas había hecho cinco trayectos. (IV, 44).

До сумерек он едва прошел пять перегонов. (IV, 21)

б) Контаминация абсолютного и относительного времени свойственна и модели *acabar de + Inf*. Временная форма вспомогательного глагола *acabar* выражает и локализацию неэксплицированного временного ориентира по шкале абсолютного лингвистического времени: *acabo de + Inf*. — действие совершилось незадолго до какого-то момента в настоящем, *acababa de + Inf*. — действие совершилось незадолго до какого-то момента в прошлом. В соответствующих русских высказываниях и в том, и в другом случае основной глагол употребляется в форме прошедшего времени, а значение относительного времени передается лексическими или лексико-синтаксическими средствами (*только что, незадолго до этого* и т. д.)

Sentía necesidad de hablar, señal en él de que acababa de pasar por un gran peligro. (I, 404)

Ему хотелось разговаривать, а это всегда служило у него признаком, что только что миновала большая опасность. (I, 409)

в) Испанские конструкции типа *el próximo/pasado mes de*

---

¹ Цит. по кн.: L. J. Cisneros. *Lengua y estilo*. 2-da ed. T. I. Lima, 1962, p. 25.

mayo, el próximo/pasado (día) 8 de mayo и el próximo/pasado día выражают значение одновременности по отношению к временному ориентиру, тоже локализованному по шкале абсолютного лингвистического времени.

В соответствующих русских высказываниях это дополнительное значение либо специально не выражается, так как оно передается временной формой предиката, четко определяется контекстом, ситуацией (и тогда, например, испанским конструкциям типа *el próximo/pasado día 8* соответствуют русские конструкции типа *8-го числа*), либо передается лексически (обычно через выражение реальной отнесенности временного ориентира к единице исчисления времени более высокого порядка).

В качестве примера рассмотрим одну испанскую фразу и ее возможные русские эквиваленты:

El próximo día 8, tendrá lugar una fiesta estudiantil en el círculo Cristino Naranjo. (Granma)

а) 8-го числа в клубе «Кристино Нарањо» состоится студенческий праздник; или

б) 8-го числа этого месяца в клубе «Кристино Нарањо» состоится студенческий праздник (если фраза произнесена в один из дней с 1 по 7 число);

в) 8-го числа следующего месяца... (если фраза произнесена после 8-го числа).

г) Испанские конструкции типа *hace años que, hacía años que, desde hace años, desde hacía años*, помимо значения одновременности, тоже выражают абсолютное лингвистическое время временного ориентира и, следовательно, основного действия. Так как с точки зрения русского языка эта дополнительная информация избыточна, в соответствующих русских высказываниях она обычно не эксплицируется.

Tiene usted que recordar, además, que desde hace nueve meses no es usted profesor. (I, 351)

И потом, не забывайте о том, что вы уже почти девять месяцев не занимаетесь преподаванием. (I, 369)

Desde hacía unos momentos, me observaba de distinto modo. (III, 13)

Уже несколько минут он смотрел на меня так... (III, 497)

Испанские конструкции *hace años que, hacía años que* (в препозиции) и их постпозиционные варианты *hace años и*

hacía años, а также desde hace años и desde hacía años, помимо относительного времени (значение предшествования), выражают локализацию неэксплицированного временного ориентира по шкале абсолютного лингвистического времени. Названным испанским средствам выражения относительного времени в русском языке регулярно соответствуют конструкции типа *несколько лет (тому) назад*, которые обозначают предшествование по отношению к временному ориентиру, определяемому контекстуально; дополнительная информация, содержащаяся в описываемых испанских моделях, не эксплицируется; менее регулярно это значение в русском языке передается описательной конструкцией (на уровне сложного предложения). (См. последний пример).

Hace años que decía exactamente lo contrario. (III, 118)

Несколько лет назад она говорила иное. (III, 511)

La misa había empezado hacía poco. (III, 80)

Служба только что началась... (III, 544)

El mecanismo se había puesto en movimiento desde hacía demasiado tiempo... (I, 598)

Машина была пущена в ход слишком давно... (I, 556)

Hacía sólo once días que había aterrizado allí. (III, 169)

Прошло всего 11 дней с тех пор, как я вступила на эту землю. (III, 604)

2. В русском языке есть целый ряд типизированных способов выражения относительного времени, которые отличаются от своих испанских соответствий определенной дополнительной информацией.

а) Значение одновременности, выражаемое конструкциями с предлогом *на* (*на уроке, на спектакле*), дополнено локальной характеристикой основного действия, то есть эти конструкции имеют пространственно-временное значение. В испанском языке подобным русским конструкциям регулярно соответствуют чисто временные конструкции, а дополнительный оттенок — локальное значение — не передается.

А что цыгане делают на войне? (I, 129)

¿Y qué hacen los gitanos en tiempo de guerra? (I, 36)

На обходе Василий Васильевич долго ощупывал почерневшие... ступни... (IV, 92)

Durante la visita, Vasili Vasílievich estuvo palpando largo rato los pies ennegrecidos... (IV, 145)

б) Конструкции типа *при нагревании*, выражая значение одновременности по отношению к какому-то действию, выступающему в качестве временного ориентира, показывают, что основное действие как бы «сопровождает» временной ориентир.

В качестве испанских эквивалентов этих русских конструкций обычно употребляются либо конструкции с предлогами *en, durante* и др., имеющие чисто временное значение, либо единицы другого морфологического уровня (герундиальные формы, абсолютный инфинитивный оборот). Иногда дается метонимическое обозначение описываемой ситуации.

— Обязательно, — нарочито бодро, как всегда при прощаниях, отвечаю я. (IV, 86)

— Sin falta — respondo en tono animoso, como siempre ocurre en las despedidas. (IV, 114)

Дурачок боролся с призраком коршуна. Болела нога — сломана при падении... (II, 26)

El idiota luchaba con el fantasma del zopilote que sentía encima y con el dolor de una pierna que se quebró al caer... (II, 21)

в) Конструкции типа *за два дня* указывают на временные границы, в пределах которых основное действие приходит к какому-то «итогу».

В испанском языке этим конструкциям регулярно соответствуют конструкции с предлогом *en*, менее регулярно — конструкции, в состав которых входят предлоги *durante, en el transcurso de, a lo largo de, en el curso de*. Следовательно, об эквивалентности речь может идти только в плане обозначения относительного времени. Что же касается значения «итога», являющегося одним из компонентов содержательной стороны описываемых русских конструкций, этот оттенок в испанском языке не эксплицируется, за исключением тех нечастых случаев, когда полностью меняется структура высказывания. (См. два последних примера.)

...Многих убийц приходилось мне видеть и за эту войну и раньше... (I, 336)

He conocido en mi vida muchos asesinos... (I, 306)

За последнее десятилетие был заключен целый ряд полезных соглашений... («Культура и жизнь», № 6, 1973)

A lo largo del último decenio se han concertado una serie de convenios positivos...

За все время, пока он лежал в госпитале, мы едва обменялись несколькими словами. (III, 540)

Durante el tiempo que estuvo por allí apenas cruzamos dos palabras. (III, 74)

За три месяца всего вот на столько отросли. (I, 133)

Me ha costado tres meses que me creciera como ahora. (I, 42)

За эту ночь Алексей как-то особенно ослаб. (IV, 36)

Después de aquella noche, Alexéi se sintió más débil que nunca. (IV, 66)

г) Конструкции типа *в год* отличаются от конструкций типа *за год* дополнительным оттенком быстроты свершения основного действия (что часто бывает связано со значением напряжения и интенсивности). В испанском языке эта дополнительная информация либо не передается (употребляются конструкции с предлогом *en*), либо передается лексическими средствами, то есть об эквивалентности речь может идти только в плане обозначения относительности времени.

В одну секунду взлетело на воздух все: Камила, он сам, бедная его любовь. (II, 106)

Samila, él y su pobre amor acababan de volar deshechos en un segundo, en menos de un segundo. (II, 153)

«Священная война» была создана в очень короткий срок. («Культура и жизнь», № 6, 1973)

«La sacrosanta guerra» fue compuesta en un breve lapso...

д) Конструкции типа *перед войной* и *до войны*, выражающие значение предшествования, различаются тем, что первая содержит информацию о близости на временной шкале основного действия и временного ориентира. В испанском языке этим конструкциям регулярно соответствуют конструкции с предлогом *antes de*; гораздо реже конструкциям с предлогом *перед* соответствуют конструкции с предлогом *en visperas de*. Следовательно, если скалярное значение, являющееся составной частью содержательной стороны русских конструкций с предлогом *перед*, не выражено в испанском языке лексически, оно просто не эксплицируется.

...Перед отъездом в Торремолинос я поговорила с механиками. (III, 604)

Antes de volver a Torremofinos, me detuve a hablar con los mecánicos del taller de reparación. (III, 168)

Перед самым отъездом А. А. задумчиво вертел в руках верстку своей новой книги... («Культура и жизнь», № 6, 1973)

Momentos antes de partir, A. A. pensativo, tenía entre los dedos un original de su nuevo libro...

е) Значение непосредственного предшествования, выражаемое в русском языке конструкциями с предлогом *под*, в испанском языке, как правило, передается лексическими средствами или (довольно часто) обозначается как значение одновременности (чему, вероятно, способствует присущий этим конструкциям оттенок непосредственного предшествования).

Ты приходишь под вечер... (I, 197)

Llega uno por la noche... (I, 251)

ж) Специфичность значения конструкций с предлогом *к* определяет «набор» их соответствий в испанском языке: в зависимости от того, какая из сторон сложного временно́го значения этой модели актуализируется в высказывании (оттенок определенного срока, момент в постепенном развитии, значение «приблизительности»), функционируют конструкции с предлогами *para*, *hacia*, а также конструкции, имеющие значение одновременности.

Но, может быть, к зиме мы выиграем войну. (I, 498)

Pero puede que para el invierno hayamos ganado esta guerra. (I, 522)

К концу речи Финито стал трясти головой... (I, 310)

Hacia el final del discurso, Finito se puso a menear la cabeza a uno y otro lado... (I, 272)

з) Русским конструкциям типа *второй день* в испанском языке регулярно соответствуют конструкции, обозначающие одновременность без оттенка продолжения, или (что более характерно для переводов с русского языка на испанский) сложные структуры типа *es el segundo año que...*, передающие это значение описательно.

Второй день глаз не смыкаю. (III, 592)

Насе dos noches que no pego un ojo. (III, 150)

Второй месяц уже находился танкист на грани жизни и смерти... (IV, 84)

Era el segundo mes que el tanquista se encontraba entre la vida y la muerte... (IV, 133)

и) Одним из значений глагольных префиксов *по-* и *про-* является значение одновременности, сопровождаемое обычно характеристикой длительности временного ориентира или как непродолжительной (*по-*) или как продолжительной (*про-*). В испанском языке этот дополнительный оттенок передается лексическими, лексико-синтаксическими средствами или вообще не эксплицируется.

Давай поговорим. (I, 471)

Hablemos un rato. (I, 484)

Он постоял среди шелестящей осоки... (IV, 83)

Durante algún tiempo permaneció entre los murmuradores carrizos... (IV, 131)

к) Русские конструкции с предлогом *в ходе* употребляются в тех случаях, когда основное действие осуществляется в процессе развития другого действия, принятого за временной ориентир. В соответствующих испанских высказываниях регулярно встречаются конструкции с предлогом *durante*, а также с предлогами *en*, *en el curso de* и др., то есть в испанском языке описываемый элемент ситуации определяется просто как значение одновременности, а свойственный этим русским конструкциям дополнительный оттенок, отличающий их от других конструкций, имеющих значение одновременности, не эксплицируется.

...Гесс в ходе беседы с Саймоном не раз угрожал Англии полным уничтожением... («Новое время», № 34, 1973)

...Durante la conversación con Simon, Hess había amenazado varias veces a Inglaterra con su total... destrucción...

В ходе войны империалистам США не удалось сокрушить один из форпостов социализма на азиатском континенте... («Проблемы мира и социализма», № 3, 1973)

En el curso de la guerra, los imperialistas estadounidenses no consiguieron destruir una de las avanzadas del socialismo en el continente asiático...

л) Конструкции с предлогом *по мере* служат для выражения одновременности двух взаимосвязанных действий, явлений, развивающихся в одном и том же темпе. В испанском языке это значение выражается обычно на уровне сложного предложения (союзы *a la vez que*..., *a medida que*...); вре-

менной ориентир нередко передается длительной формой глагола.

Иными словами, по мере созревания объективных условий национально-демократической революции усложняются задачи идеологической борьбы. («Проблемы мира и социализма», № 3, 1973)

En otras palabras, a la vez que se desarrollan las condiciones objetivas de la revolución nacional democrática, las tareas ideológicas son más difíciles y complicadas.

Разве не показательно, что по мере постепенной нормализации обстановки на Индостанском субконтиненте страны этого района получили возможность уделить больше внимания решению своих насущных проблем...? («Новое время», № 34, 1973)

¿ Acaso no es elocuente que, a medida que se va normalizando la situación en el subcontinente Indostánico los países de esta región pueden dedicar una atención mayor a sus problemas vitales..?

м) Основное действие развивается, усиливается пропорционально течению времени, принятого за временной ориентир. В этом значении в русском языке употребляются конструкции типа *с каждым годом*. В испанском языке в указанном значении регулярно встречаются структуры *cada año*, *реже* — *a cada año* (в этих конструкциях, как правило, употребляются слова — названия единиц времени — *el minuto*, *el día*, *el año* и т. п.); для предиката характерна длительная форма глагола (возможны другие способы выражения специфики основного действия).

В городе много раненых. С каждым днем все больше и больше. (IV, 160)

En la ciudad hay muchos heridos. Cada día que pasa son más y más. (IV, 206)

Они летели эшелонированным строем и с каждой секундой становились больше, а шум их все нарастал. (I, 448)

Llegaban en oleadas y a cada segundo el estruendo se iba haciendo más fuerte. (I, 453).

н) Конструкции типа *за ужином*, *за обедом*, обозначая одновременность по отношению к процессам еды, указывают, что субъект основного действия участвует в ритуале приема пищи. В испанском языке им регулярно соответствуют чисто

временные конструкции, а дополнительное значение, как правило, не эксплицируется.

За ужином он все время улыбался и говорил разные любезности... (I, 308)

Así es que durante toda la comida estuvo sonriendo y diciendo cosas amables... (I, 270)

За обедом мы строили догадки относительно его очередной командировки... (III, 544)

A lo largo de la comida habíamos emitido conjeturas acerca de su próximo destino. (III, 80)

Список цитируемой художественной литературы

- I. E. Hemingway. Por quién doblan las campanas. La Habana, 1969.
Э. Хемингуэй. По ком звонит колокол. — Собр. соч. в 4-х т., т. III, М., «Художественная литература», 1968.
- II. M. A. Asturias. El señor Presidente. La Habana, 1961.
М. А. Астуриас. Сеньор президент. М., Гослитиздат, 1959.
- III. J. Goytisolo. La isla. La Habana, 1962.
Х. Гойтисоло. Романы. М., «Прогресс», 1964
- IV. B. Полевой. Повесть о настоящем человеке. Молотов, 1948.
B. Polevoi. Un hombre de verdad. Moscú, Ed. en lengua extranjera.

С. С. Прокопович
(Москва)

АДЕКВАТНЫЙ ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ОН? (К истории вопроса)

Т. Сейвори в книге «Искусство перевода»¹ приводит ряд принципов, важнейшими из которых являются следующие: перевод должен, с одной стороны, передавать стиль оригинала, с другой стороны, — обладать собственным стилем (стилем переводчика); перевод должен отражать особенности эпохи, в которую возник оригинал, и вместе с тем должен быть приближен к той эпохе, в которую он сделан, иными словами, «текст далекой от нас и во многом чуждой нам культуры нужно сделать доступным нашему восприятию»;² восприниматься как оригинальное произведение на другом языке и все же оставаться переводом и т. д.

¹ Th. Savory. The Art of Translation. Ldn., 1957, p. 50.

² А. Я. Гуревич. Средневековая литература и ее современное восприятие. — В кн.: «Из истории культуры средних веков и Возрождения», М., «Наука», 1976, с. 277.

В самом общем плане эти противоречивые тенденции можно условно представить в двух моделях перевода, которые Карло Буццетти¹ вслед за Юджином Найдой² определяет как **формальную** (E. F.) и **динамическую** (E. D.) эквивалентности. В первом случае переводчик стремится полностью воспроизвести особенности оригинала: каждому слову подлинника соответствует определенное слово в переводе, синтаксические единства сохраняются полностью, идиоматические выражения оригинала переводятся на другой язык не в соответствии с их общим семантическим значением, а предельно буквально, насколько это позволяет язык перевода; проза всегда переводится прозой, а стихи — стихами.

Конечно, принцип формальной эквивалентности может дать очень много для знакомства с чужой культурой, с тем особым видением мира, которое присуще той или иной нации и даже той или иной исторической эпохе. Но его последовательное проведение в жизнь может привести к появлению текстов, которые сами будут нуждаться в расшифровке, в «переводе». Отсюда неизбежное появление сопутствующих текстов, сносок и комментариев, которые по объему могут равняться и даже превышать текст самого перевода.

Принцип динамической эквивалентности ориентирован, в основном, на рецептора, которому перевод и предназначен. Критерием оценки здесь служит впечатление, которое перевод производит на того, кому он адресован; в идеале оно должно равняться впечатлению, производимому оригинальным текстом на тех, кто может воспринимать его на родном языке. Но, как замечает Карло Буццетти, «наиболее характерным результатом, вытекающим из последовательного воплощения на практике этого принципа, является в известной степени растворение конкретного и исторического (то есть того, что относится к определенной исторической обстановке и эпохе) в общем и вневременном»³.

Оптимальный вариант перевода должен поэтому учитывать особенности как формальной, так и динамической эквивалентности и предусматривать широкую гамму переводческих решений. Последние в общих чертах будут определяться тремя факторами:

- 1) субъект перевода (переводчик и текст на иностранном языке) и его характеристика;

¹ C. Buzzetti. *La parola tradotta*. Morcelliana, 1973, p. 137.

² E. Nida. *Toward a Science of Translating (Principles of Correspondence)*. Leiden, 1964.

³ C. Buzzetti. *Op. cit.*, p. 141. Перевод автора статьи. — *Ред.*

2) цели и принципы переводческой деятельности (переводческая установка);

3) объект перевода (рецептор) и его особенности.

Стремление найти правильное соотношение двух принципов перевода можно проследить в самых разных исторических эпохах. Так, например, Иероним (IV в.), переводчик на латынь Ветхого Завета («Вульгаты») и редактор перевода Нового Завета, «суровым судом судит многочисленных своих предшественников на тернистом поприще перевода, не госядив даже своего любимца Цицерона. Книги св. писания кажутся образованным людям написанными дурным стилем и тяжелым языком, и они отвращаются от них, «гнушаясь грязной одеждой речи ранее, нежели обнаружат внутри прекрасное тело содержания.» В этом повинны переводчики и те, что, стараясь переводить слово в слово, насильовали дух родного языка, и те, что пытаюсь следовать больше смыслу, чем букве, далеко отходили от оригиналов»¹.

Иероним осуждает две крайности, в которые часто впадают переводчики, но не исключает саму возможность перевода адекватного, который передал бы не только сюжетную схему, но и манеру, в которой был написан оригинал, и тончайшие оттенки авторской интонации. Данте (XIII—XIV вв.), со своей стороны, отрицает такую возможность в том, что касается поэтических произведений: «Ни одно произведение, мусикийски связанное и подчиненное законам ритма, не может быть переложено со своего языка на другой без нарушения всей его сладости и гармонии»². Но Данте, в отличие от Иеронима, не был переводчиком: его вывод носит умозрительный характер и основан на плохом качестве существовавших тогда переводов, в первую очередь, — перевода Гомера, которого знали в Европе того времени по сокращенному и не совсем удачному переводу в латинских гекзаметрах, а также перевода Псалтири и других книг св. писания, о чем, впрочем, писал в свое время и Иероним.

Переводческая концепция Иеронима, изложенная в виде отдельных замечаний в том или ином его произведении, сводится, согласно нашей схеме, к следующему:

1. **Субъект перевода.** Импульс переводческой деятельности может дать практически любой текст на иностранном языке, в том числе и св. писание, хотя природа последнего текс-

¹ И. Н. Голенищев-Кутузов. Средневековая латинская литература Италии. М., «Наука», 1972, с. 80—82.

² Д. Алигьери. Пир. — В кн.: «Малые произведения». М., «Наука», 1968, с. 123.

та рассматривается Иеронимом отдельно, так как Писание для него все же остается в конечном итоге «божественным откровением», в котором «*et verborum ordo mysterium est*»¹.

2. **Цели и принципы переводческой деятельности.** Текст перевода должен соответствовать нормам родного языка — задача, решить которую не так-то просто, считает Иероним, так как «*difficile est... quae in alla lingua bene dicta sunt, eundem decorem in translationem conservent*».

Каждый язык имеет только одному ему присущие особенности, считает Иероним, поэтому буквализм в переводе особенно недопустим («*si ad verbum interpretor, absurde resonant*»). Поэтому в основу перевода должен быть положен смысл («*non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu*»). Этот смысл, однако, не вытекает из значения отдельных слов, переводчик должен ориентироваться на более крупные единицы — предложения, как это делал сам Иероним в своей переводческой практике («*semper ab adulescentia non verba sed sententias transtulisse*»).

3. **Объект перевода (рецептор) и его особенности.** Иероним одним из первых указал на то влияние, которое на получателя информации (перевода) оказывают господствующие вкусы, привычки и настроения: даже самый хороший и филологически строгий перевод будет отвергнут, если он никак не учитывает момент ожидания, присущий рецептору. Так, например, несмотря на то, что сам Иероним проделал немалую работу по исправлению, а в некоторых случаях и по переводу св. писания, люди в силу привычки продолжали предпочитать старый текст новому («*Tanta est enim vetustatis consuetudo, ut etiam confessa plerisque vitia placeant, dum magis pulchros habere malunt codices quam emendatos*»).

Но идет ли речь только о консерватизме рецептора, как считает Иероним (хотя это тоже играет известную роль), или в момент восприятия перевода проявляют себя иные, более общие категории человеческого бытия?

Информативная сторона переводческой деятельности несомненно является важной в художественном переводе, но не довлеющей в том общении, которое книга устанавливает между писателем и читателем. Книга, прежде всего, — произведение искусства, она должна вызвать в читателе те тончайшие переливы чувств и настроений, которые владели в момент создания душой автора. От того, насколько переводчику удастся передать эти особенности на своем языке,

---

¹ Цит по: С. Buzzetti. *Op. cit.*, p. 331—332.

зависит во многом адекватность восприятия перевода. Но можно ли говорить о полном соответствии перевода оригиналу в плане восприятия, иными словами, так ли читатель воспримет перевод, как воспринял бы подлинник читатель той страны и эпохи, для которого книга была написана?

«Когда в высокоразвитую, имеющую большую литературу Японию пришло «Воскресение» Толстого, — пишет В. Шкловский, — то народ не поразило то, что Катюша Маслова проститутка: это занятие в их стране не содержит в себе той позорной характеристики, которую оно имеет у нас. Поразило то, что Катюша любила Нехлюдова и отказалась от брака с ним; любила и поэтому ушла с другим»¹. Образ Катюши, пишет далее В. Шкловский, преломился в уже существовавшем понятии любви и сам в свою очередь на него повлиял. «Имя Катюши стало как бы характеристикой новых человеческих отношений. Говорят, оно вошло в словари при обозначении слова 'любовь'»². Перевод, следовательно, может быть выполнен идеально, отвечать всем требованиям, которые мы обычно предъявляем к художественному переводу, как-то: воспроизводить творческую личность, стиль автора и тем не менее книга в переводе будет восприниматься не так, как она воспринималась (или воспринимается) на языке, на котором была написана. В. Шкловский привел пример со словом 'любовь', но можно выделить и другие универсальные понятия, присущие человеческому бытию всех времен и народов: время и пространство, добро и зло, рок, судьба, богатство и т. д. При всей общности этих понятий каждый народ, каждая культура и даже каждая историческая эпоха вкладывают в них свое, только им одним присущее содержание.

Стремясь максимально облегчить восприятие текста, обычно принято «освобождать» его от всего непонятного, упрощать его и т. д.: все это для того, чтобы придать переводу привычную форму в соответствии с требованиями, предъявляемыми к литературным произведениям того языка, на который осуществляется перевод. «Совершается эта процедура обычно из наилучших побуждений: для того чтобы «приблизить древний текст к пониманию современного читателя». Действительно, трудность знакомства исчезает, — но за счет искажения (разрядка наша — С. П.)

---

¹ В. Шкловский. Из повестей о прозе. В. Шкловский. Собр. соч., т. 3, с. 455.

² Там же.

облика далекого незнакомца, «подтягиваемого» до нашего современника»¹. Поэтому динамическая эквивалентность в художественном переводе далеко не всегда может являться гарантом его адекватности.

История переводческой практики содержит немало примеров, когда проблема адекватности решалась по-разному. Так например, существуют два перевода на русский язык «Декамерона» Боккаччо: один — выполненный А. Веселовским в начале века, второй — сделанный в наши дни Н. Любимовым. Несколько архаичная, тяжеловесная, на сегодняшний взгляд, манера Веселовского стремится по возможности более точно передать сложный синтаксис «Декамерона». Второй же переводчик ставит своей задачей приблизить «Декамерон» к восприятию сегодняшнего дня и... утрачивает облик Боккаччо, писавшего для своей эпохи, для читателей круг которых был значительно уже, чем сегодня.

Автор «Декамерона» обращается в своей книге к прекрасным дамам. Был ли то обычный куртуазный поклон или традиционное обращение к музам, нам знать не дано. Скорее всего и то, и другое, так как для Боккаччо музы — это самые прекрасные из всех женщин: «Женщины были мне поводом сочинить тысячу стихов, тогда как музы никогда не дали мне повода и для одного. Правда, они хорошо помогли мне, показав, как сочинять эту тысячу...»²

Тот, кто читал «Декамерон» в XIV веке, несомненно знал и любил куртуазные романы; культ дамы, рыцарский кодекс чести обладал для флорентийского горожанина-бюргера такой же притягательной силой, как и для дворянина-феодала. Но и древнеримские, и средневековые авторы были известны образованному читателю XIV века. Их изучали как образцы формы и стиля, в которые должно облекать все написанное на латыни, то есть на языке, обладающем «благородством, достоинством и красотой»³. Особенности латинского языка, перенесенные в итальянский, становятся в силу этого особенностями стиля высокого, что также нельзя не учитывать при переводе новелл «Декамерона».

Более того, перенос некоторых элементов более «высоких» жанров эпохи в новеллистику, жанр традиционно более «низкий», способствовал пересмотру возможностей самой новеллы и ее места в литературной панораме XIV века.

---

¹ А. Я. Гуревич. Указ. соч., с. 277.

² Цит по: В. Шкловский. Указ. соч., с. 439.

³ Д. Алигьери. Указ. соч., с. 119.

Умножились, по сравнению с предыдущими сборниками новелл, задачи, которые Боккаччо ставит перед «Декамероном», а общая установка на социально-нравственную конкретизацию усложняет синтаксис отдельных новелл, выдвигая на первый план гипотаксис, или смешанную парагипотаксическую форму, близкую латинскому синтаксису. В силу этих причин книга Боккаччо объективно сближается с античными и средневековыми авторами, писавшими на латинском языке; происходит приобщение «Декамерона» к благородству, достоинству и красоте языка древних. Аудитория, которую имел в виду Боккаччо, была воспитана на древнеримских и средневековых авторах; она состояла из тех, для кого «говорить — ... значит исполнять самый благородный акт, слушать — наиболее изысканное удовольствие тонких душ и умных голов»¹.

Книга Боккаччо произвела в жанре новеллы подлинную революцию, превратив ее из анекдота, пустячка в серьезное литературное произведение². Это обстоятельство должно определять собой любую попытку перевести «Декамерон».

Взявшись за перевод литературного памятника эпохи или культуры от нас далекой, переводчик во что бы то ни стало должен постараться передать все его своеобразие. При этом, однако, необходимо, чтобы «в своем естественном стремлении сделать произведение удобочитаемым с точки зрения современных эстетических требований вместе с тем не потерять из виду особенности словаря и словоупотребления в эпоху возникновения памятника литературы»³.

Перевод служит функции общения, понимания, а для того, чтобы это общение было полноценным, адекватным, необходимо, как прекрасно сказал С. С. Аверинцев, чтобы перевод принимал «форму понимания “поверх барьеров непонимания”, предполагающего эти барьеры»⁴.

---

¹ Э. Жебар. Средневековые флорентийские новеллисты. Спб., «Новый журнал литературы, искусства и науки», 1905, с. 5.

² См. В. Ф. Шишмарёв. Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. М., «Наука», 1972, с. 211.

³ А. Я. Гуревич. Указ. соч., с. 277—278.

⁴ Цит. по кн.: А. Я. Гуревич. Указ. соч., с. 278.

IV. УСТНЫЙ ПЕРЕВОД

В. И. Ермолович
(Москва)

К ВОПРОСУ ОБ ОДНОВРЕМЕННОСТИ СЛУШАНИЯ И ГОВОРЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

В последние годы все больший интерес исследователей привлекает такой вид профессиональной человеческой деятельности, как синхронный перевод (СП). Интерес этот объясняется, с одной стороны, все более широким внедрением СП на конференциях, симпозиумах, совещаниях и, с другой стороны, некоторой «загадочностью» этого вида перевода.

Определим, прежде всего, что такое СП. СП — это такой вид перевода, когда переводчик произносит текст перевода одновременно с говорением оратора, не прерывая его. Голос оратора поступает к переводчику через наушники, а текст перевода он произносит в микрофон.

В чем же «загадочность» такого вида деятельности? Прежде всего, видимо, в том, каким образом можно совмещать во времени процессы слушания и говорения и совмещает ли их действительно переводчик.

Вопрос о возможности одновременного слушания и говорения первоначально возник в связи с проблемой влияния на понимание чужой речи внутреннего воспроизведения ее слушающим. Некоторые исследователи полагали такое совмещение невозможным, так как считали, что для понимания чужой речи необходимо внутреннее ее воспроизведение, что уже предполагает занятость артикуляторного аппарата.

Так, П. Брока, Ж. Шарко, К. Вернике полагали, что при слушании речи человек воспроизводит в уме слуховые, зрительные и двигательные образы слов и таким путем приходит к пониманию речи. В случае же невозможности воспроизводить эти образы понимания речи не происходит. А. А. Потebня также считал, что для понимания необходимо внутреннее повторение речи говорящего, но не одно оно, а и переложение ее на свой внутренний язык путем упрощения, переконструирования и т. д. П. П. Блонский также разделял эту точку зрения. В подтверждение ее он описывает

опыт по пониманию речи при одновременном думании о чем-либо другом про себя или чтении стихов. «Если мы... начинаем в это время думать, говорить про себя (не речь говорящего), — писал он, — то мы перестаем слушать речь говорящего и переживаем нечто вроде сенсорной афазии, примерно на той стадии ее, когда слова слышатся как слова, но еще не понимаются, (...) речь до нашего, так сказать, «психического слуха» еще не дошла. Невозможность при внимательном слушании речи внутренне говорить о другом объясняется тем, что при слушании речи происходит симультанная репродукция ее.¹ Слушание речи — не простое только слушание: до известной степени мы как бы говорим вместе с говорящим».²

Другие исследователи, однако, занимали по этому вопросу отличную точку зрения. Так, например, Р. Пинтнер в 1903 году и Э. Мейман в 1917 году экспериментально показали, что можно при восприятии письменной речи, то есть при чтении, обойтись без внутреннего проговаривания (во время чтения испытуемые должны были производить счет), но с пониманием воспринимаемого материала.

Одгдельно в этом ряду стоят исследования Д. Бродбента и Э. Поултона, исследовавших одновременность слушания и говорения в условиях работы операторов, контролирующих несколько каналов связи.

Основной эксперимент Д. Бродбента³ состоял из трех серий: в первой серии испытуемым предлагался вопрос и давалось время (3 сек.) для ответа, после чего задавался следующий вопрос и т. д.; во второй серии часть вопросов следовала за предыдущими после паузы, как в первой серии, а часть вопросов задавалась непосредственно после предыдущего вопроса, без паузы, то есть в этом случае происходило накладывание ответа испытуемого на следующий вопрос; в третьей серии вопросы следовали один за другим без пауз, таким образом, испытуемые должны были отвечать на предыдущие вопросы одновременно с прослушиванием последующих. Выводы, к которым пришел Бродбент, сводятся к следующему:

1) условия одновременности восприятия и выдачи релевантной информации значительно ухудшают эффективность

---

¹ П. П. Блонский. Память и мышление. М.—Л., ОГИЗ, Соцэкгиз, 1935, с. 155.

² Там же, с. 154.

³ D. A. Broadbent. Speaking and Listening Simultaneously. "Journal of Experimental Psychology", vol. 43, No 4, 1952.

деятельности. При более развернутых формах обращения и ответа «вводящие» элементы дают возможность в данный момент основное внимание уделить другой задаче (например, во время прослушивания вводящего начала фразы испытуемый может направить основное внимание на говорение);

2) эффективность речевой коммуникации в подобных условиях подвергается двум ограничениям; а) скорость приема информации ограничена возможностями принимающего и воспроизводящего каналов человека; б) произнесение даже простой последовательности слов мешает восприятию нового сообщения. Это помеха внутреннего характера, а не внешнего (как в случае наложения собственной речи на чужую).

Этот эксперимент Д. Бродбента был уточнен Э. Поултоном¹, который заметил в методике его проведения один недостаток: в опытах Бродбента испытуемые говорили вслух, одновременно с поступающим из динамика голосом диктора, и частично ухудшение эффективности их работы в условиях одновременного слушания и говорения можно было отнести за счет того, что происходило наложение их собственного голоса на голос оратора. В опытах Э. Поултона этот недостаток был устранен: испытуемые работали в наушниках, кроме того, с ними проводили специальную предварительную тренировку для выработки одинаково громкого уровня голоса при говорении, а в условиях попеременного слушания и говорения испытуемые во время слушания должны были произносить «а-а-а» на том же уровне громкости, что и при говорении. Это позволило экспериментатору полностью снять со счетов эффект перекрытия речи сообщения голосом испытуемого (так как такое перекрытие в данных условиях было и при последовательном, и при синхронном режиме работы).

Выводы Э. Поултона в целом совпадают с выводами Д. Бродбента и сводятся к следующему:

а) при синхронном режиме работа испытуемых разбивалась на собственно синхронный режим и моменты попеременного слушания и говорения (например, использование пауз). На чисто синхронную деятельность пришлось примерно 60 % произнесения;

б) работа испытуемых основывается на угадывании, вероятностном построении гипотез;

в) синхронный режим работы характеризуется большим количеством ошибок, чем режим попеременной работы, где

---

¹ E. C. Poulton. Simultaneous and Alternative Listening and Speaking. JASA, vol. 27, No. 6, 1955.

произнесение «а-а-а» сразу же стало автоматизированным и не требовало специального внимания;

г) испытуемые не могли одновременно уделять достаточно внимания приходящему сообщению и собственному говорению, что объясняется внутренней несовместимостью этих процессов в организме;

д) у испытуемых наблюдался момент, когда они принимали приходящее сообщение за собственный голос, и тогда терялся всякий контроль за произнесением.

Д. Бродбент в других, более поздних своих работах¹ также говорит о вероятностном характере восприятия человека, о том, что прошлый опыт обуславливает параметры вероятностного ожидания при приеме информации человеком. Кроме того, он полагает, что выполнение человеком одновременно двух таких функций, как слушание и говорение, не абсолютно невозможно, но невозможно оперирование большим, чем критическое, количеством информации в одно и то же время. «Информация, поступающая в нервную систему человека, проходит через каналы ограниченной емкости»¹ и, следовательно, две одновременно выполняемые операции не влияют отрицательно друг на друга до тех пор, пока по двум каналам не прибывает количество информации большее, чем критическое, соответствующее максимальной емкости перерабатывающего устройства.

Интересной с точки зрения теории одновременного слушания и говорения является позиция Дж. А. Миллера², который ставит вопрос о том, являются ли слушание и говорение различными умениями. Он полагает, что на простейших уровнях слушание и говорение являются различными умениями, но на более сложных уровнях они должны пересекаться. Миллер предлагает схему восприятия речи, основанную на прогнозировании, антиципации. По этой схеме слушающий начинает с предположения о сигнале на входе. На основе этого предположения он порождает внутренний сигнал, сравниваемый с воспринимаемым. В случае несоответствия делается поправка, и на основе ее выдвигаются новые предположения, после чего на этой основе производится анализ следующих сегментов речи и т. д. То, что

---

¹ См. D. E. Broadbent. The Role of Auditory Localization in Attention and Memory Span. "Journal of Experimental Psychology", vol. 47, 1954; его же. Flow of Information within the Organism. "Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour", vol. 2, 1963.

² Дж. А. Миллер. Психоллингвисты. — В сб.: «Теория речевой деятельности». М., «Наука», 1968.

получается на выходе, не есть трансформированный вариант входа. Это программа, которой необходимо следовать, чтобы породить внутренние представления, используемые для сравнения. Предложение же может восприниматься соответственно тому, как мы будем настраивать нашу воспринимающую систему, — она будет способствовать одним интерпретациям и отклонять другие.

Таким образом, мы видим, что в современной зарубежной науке возможность одновременного слушания и говорения в целом признается, однако слушание и говорение не дифференцируются в соответствии с общностью или различием их предметного содержания, а механизмы, предлагаемые для объяснения возможности совмещения этих процессов, весьма различны и несогласованы между собой.

Современная советская психология рассматривает проблему одновременного слушания и говорения в плане общетеоретических концепций С. Л. Рубинштейна, Н. А. Бернштейна и А. Н. Леонтьева.

Одним из крупных исследований в этой области явилось исследование А. Н. Соколова¹, проводившего опыты по слуховому восприятию речи при артикуляционном торможении и по слуховому восприятию при одновременном говорении. Результаты опытов по слуховому восприятию в условиях артикуляционного торможения (зажигание языка между зубами) позволили А. Н. Соколову сделать вывод о том, что задержка артикуляции оставляет возможность замены одних мышечных групп речевого аппарата другими мышечными группами, не участвующими в данный момент в процессе построения слогов или слов. Таких ослабленных речевых кинестезий может быть достаточно для выполнения стереотипных мыслительных операций, основанных на хорошо упроченных речевых связках. Таким образом, при механических помехах возможны параллельные мыслительные операции.

Эксперимент по слуховому восприятию и одновременно говорению проводился А. Н. Соколовым в три серии: в первой серии испытуемые слушали текст при одновременном произнесении стихотворения, во второй серии слушание текста осуществлялось одновременно с порядковым счетом цифр и в третьей серии испытуемые, одновременно со слушанием текста, произносили специально заученное стихотво-

---

¹ А. Н. Соколов. Внутренняя речь и мышление. М., «Просвещение», 1968.

рение. Тексты, предложенные для аудирования, различались по характеру (исторические, описания природы, биографические, научные) и по степени сложности. Для проверки восприятия после прослушивания испытуемые воспроизводили тексты. Выводы исследования позволили А. Н. Соколову предположить, что и при максимально исключенных речедвижениях возможна внутренняя речь, поскольку имеет место обобщение смысла и выражение его одним «мысленным» или «внутренним» словом; при этом, улавливая в разные моменты отдельные слова и кусочки фраз, испытуемые связывали их друг с другом по догадке; знание темы значительно облегчало понимание текстов. А. Н. Соколов, анализируя понимание как основной момент восприятия, делает вывод о том, что понимание происходит на основе выделения «смысловых вех», возникновения установки и направленности на дальнейшее содержание, выдвижения и проверки гипотез. При этом в условиях одновременного слушания и говорения наиболее полное понимание достигается при более автоматизированном произнесении.

Несколько по-иному возможность одновременного слушания и говорения рассматривалась И. А. Зимней¹, которая, соглашаясь с А. Н. Соколовым в том, что слушание речевого сообщения может осуществляться параллельно с занятостью артикуляторного аппарата, рассматривала более широкий диапазон говорения (от стереотипной программы счета до собственного высказывания по картинке). При этом оценивалась не только успешность восприятия (как в опытах А. Н. Соколова), но и успешность говорения. Испытуемые работали в звукоизоляционных кабинетах с наушниками и микрофоном. Каждое экспериментальное задание было рассчитано на 1 мин. работы, после чего испытуемым задавались вопросы по содержанию аудируемых текстов. Затем давалось следующее экспериментальное задание и т. д. На основе проведенного исследования И. А. Зимняя делает вывод о том, что в условиях одновременного слушания и говорения языковые характеристики текста сообщения не отличаются от того, что имеется при обычных условиях, а способ формирования и формулирования мысли (речевые характеристики) в условиях одновременного слушания и говорения менее эффективен. Кроме того, одновременность

---

¹ И. А. Зимняя. Психология слушания и говорения. Автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора психол. наук. М., 1973.

слушания и говорения возможна только при направленности сознания на выполнение одной из этих функций, тогда как другая осуществляется как бы на уровне фонового автоматизма. И. А. Зимняя также делает вывод о том, что возможность одновременного слушания и говорения определяется характером предметного содержания этих процессов: в случае, когда слушание и говорение имеют общее предметное содержание, то есть осуществляются в русле одной речевой деятельности (повторение, перевод), их совмещение возможно; в случае же, когда это две различные речевые деятельности, каждая со своим собственным предметным содержанием, такое совмещение невозможно.

Вопрос о том, совмещает ли действительно переводчик процессы слушания и говорения или просто осуществляет попеременное слушание и говорение, используя паузы в собственной речи и речи оратора, горячо дискутировался как в зарубежной, так и в советской литературе. Так, например, З. А. Кочкина¹ отрицает одновременность слушания и говорения у синхронного переводчика, предполагая, что основным механизмом СП является переключение внимания. А. Ф. Ширяев² полагает, что в процессе СП переводчик осуществляет слушание в «микропаузы», попеременно переключаясь то на слушание, то на говорение.

Однако в ряде работ была доказана синхронность СП. Так, И. А. Зимняя и Г. В. Чернов провели экспериментальное исследование,³ посвященное проверке синхронности СП и выявлению его основного механизма. В результате подсчета времени одновременного говорения оратора и переводчика было показано, что переводчик правильно передает смысл высказывания оратора, которое по времени звучания в 70 % случаев совпадало со звучанием речи самого переводчика.

---

¹ См. З. А. Кочкина. Некоторые особенности деятельности синхронного переводчика. «Тезисы докладов на II съезде Об-ва психологов», вып. I, М., Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1963.

² А. Ф. Ширяев. Синхронный перевод с французского языка. Автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1973.

³ И. А. Зимняя, Г. В. Чернов. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода.— В сб.: «Предварительные материалы экспериментальных исследований по психолингвистике», М., 1973; И. А. Зимняя, Г. В. Чернов. К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода.— В сб.: «Вопросы теории и методики преподавания перевода». М., 1970.

Предложенная И. А. Зимней и Г. В. Черновым модель СП опирается на механизм вероятностного прогнозирования (ВП), который является выражением всеобщего закона опережающего отражения действительности П. К. Анохина и который был определен в применении к деятельности мозга вообще И. М. Фейгенбергом¹ и применительно к перцептивной деятельности Е. Н. Соколовым². И. А. Зимняя и Г. В. Чернов определяют ВП в преломлении к деятельности синхронного переводчика следующим образом: «...В процессе слухового восприятия мозг переводчика на основе оценки априорных вероятностей реализации данной вербальной ситуации выдвигает встречные гипотезы смыслового развития или завершения вербального намерения оратора. В процессе звучания оратора переводчик как бы только подтверждает (или отклоняет) свою собственную гипотезу. Этот механизм подтверждения предполагает не «сплошное» слушание, а как бы выборочное, в каких-то ключевых, критических точках сообщения, предполагающих уже по своей сущности изменения меры неопределенности»³. В последующих исследованиях этих авторов были приведены экспериментальные подтверждения действия механизма ВП.

Таким образом, мы видим, что исследования СП в большинстве своем указывают на то, что, хотя переводчик и стремится использовать паузы в речи оратора, основная часть его деятельности протекает в синхронном режиме.

Тогда встает вопрос, почему СП не только возможен, но и широко применяется на практике, а одновременное слушание чужой речи и думание о чем-либо своем (как в опытах П. П. Блонского) невозможно?

Ответ, на наш взгляд, заключается в наличии единого или различного предметного содержания у слушания и говорения: в случае общего предметного содержания одновременное слушание и говорение возможно, а в случае различного предметного содержания одновременное слушание и говорение неэффективно.

Эксперимент, проведенный нами для проверки данной гипотезы, состоял из двух серий: первая серия заключалась в

---

¹ См. И. М. Фейгенберг. Вероятностное прогнозирование в деятельности мозга. «Вопросы психологии», 1963, № 2.

² Е. Н. Соколов. Вероятностная модель восприятия. «Вопросы психологии», 1960, № 2.

³ И. А. Зимняя, Г. В. Чернов. Вероятностное прогнозирование., с. 114.

синхронном повторении на том же языке аудируемой речи, вторая заключалась в одновременном слушании текста и устном описании картинки постороннего содержания.

В качестве испытуемых были приглашены студенты IV и V курсов переводческого факультета МГПИИЯ им. М. Тореца и слушатели высших курсов переводчиков ООН (всего 45 человек). Текстовый материал был отобран из журнала «Новое время» на русском и английском языках и из материалов симпозиума "Peace and the Sciences". Было отобрано три различных по характеру и по продолжительности текста: текст № 1, который представлял собой комментарий к Венским переговорам по разоружению (6 маш. стр.); текст № 2, который представлял собой международный обзор конкретного содержания, насыщенный большим количеством дат, названий и т. д. (3 маш. стр.); текст № 3, который представлял собой выступление представителя СССР на симпозиуме по вопросам разоружения (2,5 маш. стр.). Все тексты были начитаны на магнитную ленту одним и тем же диктором в среднем темпе произнесения.

Первая серия эксперимента. Как уже говорилось, в первой серии эксперимента испытуемые осуществляли одновременное аудирование текста и его повторение на том же языке. Тексты предъявлялись на русском и английском языках. Эта серия представляет собой приближение к ситуации СП, но позволяет снять со счетов трудности перекодировки с одного языка на другой и различия в степени сформированности переводческих навыков у испытуемых. В дальнейшем предполагается провести сравнение результатов этой серии с СП тех же текстов.

Как в первой, так и во второй серии испытуемые работали в звукоизоляционных кабинках, с применением наушников и микрофона. Всем им давалась одинаковая инструкция на как можно более полное и точное повторение аудируемого текста.

Материалом данной серии послужили четыре модификации экспериментальных текстов:

1) текст, предваряемый введением, в котором дается подробное описание обсуждаемой ситуации и поднимаемых в тексте проблем;

2) текст без предварительного введения;

3) текст без предварительного введения, с изъятыми указаниями на время, место и участников действия;

4) текст с изъятыми указаниями на время, место и участников действия и с предварительным введением, соз-

дающим «ложную установку», неверно определяющую точку зрения оратора, его убеждения и т. д.

Целью такой модификации текстов послужило выяснение того, насколько успешность одновременного слушания и говорения определяется знанием переводчиком таких элементов коммуникативной ситуации, как место и время действия, политическая платформа оратора, цель и основное содержание сообщения.

Экспериментальные тексты предлагались различным группам испытуемых в различных комбинациях, например, для группы № 1 предлагалась следующая комбинация: текст № 1 с предварительным введением, текст № 2 с изъятиями указаниями на элементы ситуации и текст № 3 целиком, но без введения. Общее время аудирования равнялось 30 минутам.

Результаты одновременного слушания и говорения показали, что значимых различий в количестве пропусков слов и ошибок разного рода у студентов IV и V курсов не наблюдалось, хотя тенденция к большему числу ошибок у студентов IV курса и наметилась (так, результаты по одной из экспериментальных групп составили: среднее количество ошибок на 100 слов у студентов IV курса — 4,2, а у студентов V курса — 3,8).

Характер аудируемых текстов оказался значимым для успешности одновременного слушания и говорения. Так, текст общего содержания во всех модификациях был передан примерно одинаково. Кроме того, была замечена тенденция к более полной передаче текста при извлечении из него элементов коммуникативной ситуации. Объяснить это можно тем, что в этом случае текст делался еще более легким для прогнозирования, так как становился еще более общим по содержанию. Текст же конкретного содержания (текст № 2) с извлеченными указателями на ситуацию был передан значительно хуже, чем в других модификациях. Так, результаты по одной из экспериментальных групп составили: при повторении текста целиком — 2,7 ошибок (на 100 слов) у студентов IV курса и 2,3 — у студентов V курса, при повторении текста с изъятиями указателями на ситуацию — 4,2 и 3,8 соответственно.

Интересным оказалось сравнение результатов повторения на русском и английском языках студентами V курса и слушателями курсов переводчиков ООН. Количество ошибок при переходе от повторения текста на русском языке к повторению текста на английском языке у студентов V курса

резко возрастает (в среднем, в 10 раз), несмотря на сформированность навыков речи на английском языке. У слушателей же курсов переводчиков ООН уровень ошибок при повторении на английском языке не отличается от среднего уровня ошибок студентов V курса при повторении текстов на родном языке. Это позволяет сделать вывод о том, что в условиях одновременности нарушается не только менее автоматизированная деятельность, но и иноязычная, если ее навыки еще не окончательно сформированы.

Вторая серия эксперимента заключалась в аудировании текста и одновременном устном рассказе по картинке постороннего содержания. Рассказ осуществлялся частью испытуемых на русском, а частью — на английском языках. Как и в первой серии эксперимента, испытуемые работали в звукоизоляционных кабинках. Инструкция задавала установку на устное описание картинки в течение всего времени аудирования, что позволило нам рассмотреть говорение на разных уровнях автоматизированности: от более легкого рассказа с опорой на картинку — к творческому домысливанию ситуации. В качестве текста для аудирования испытуемым был предложен текст № 2 (без каких-либо модификаций). По окончании работы испытуемые отвечали на вопросы по содержанию аудируемого текста и по содержанию картинки. Использование текста № 2 из первой серии эксперимента позволило сравнить результаты испытуемых, участвовавших в первой серии эксперимента, с результатами испытуемых, участвовавших во второй серии.

Результаты второй серии эксперимента показывают, что при работе в таком режиме страдает либо восприятие текста, либо восприятие картинки, либо то и другое вместе. Однако, в среднем, восприятие текста хуже, чем восприятие материала картинки (35% и 64% соответственно). В этих условиях страдает также и продуцируемая речь: увеличивается более чем вдвое общая продолжительность пауз, появляется большое число слов-паразитов, имеются случаи интерференции аудируемого материала (так, в речи испытуемого С. в предложении, описывающем пожар, вдруг появляется цифра 296, произнесенная в это время в аудируемом тексте).

Восприятие аудируемого текста испытуемыми, описывавшими картинку на английском языке, практически равнялось нулю, несмотря на крайнюю примитивность английской речи и значительно более долгие, чем у других испытуемых паузы (до 1,5 минут).

Таким образом, результаты эксперимента подтверждают, что эффективное совмещение слушания и говорения возможно только в случае, если оно происходит в рамках одного вида деятельности (такого, как СП или повторение), имеющего общее для слушания и говорения предметное содержание. В случае же, когда слушание и говорение не объединены единым предметным содержанием и являются самостоятельными видами речевой деятельности, эффективность такого совмещения невелика.

В. П. Гайдук
(Москва)

«ТИХИЙ» ПЕРЕВОД В КИНО

Практическое применение теории перевода с одного естественного языка на другой различает следующие виды переводческого искусства, в которых реализуется перевод:

1) художественный перевод, а именно адекватная, равноценная передача средствами иного языка эмоционально-философского содержания того или иного литературного произведения в стихах или в прозе;

2) технический перевод, то есть точная передача средствами иного языка информации, содержащейся в научных статьях, исследованиях и монографиях по той или иной отрасли знания. Оба эти вида переводческой деятельности необходимо фиксируются на бумаге, получают графическое оформление, тогда как о следующем виде перевода этого нельзя утверждать категорически;

3) так называемый «живой» перевод, осуществляемый при личном общении переводчика с аудиторией непосредственно либо при помощи доступных ему технических средств, которые облегчают его работу, а чаще затрудняют ее, создавая преграды и задержки психологического порядка. Здесь различаются такие подвиды способов реализации перевода, как:

а) последовательный перевод, при котором то или иное высказывание на иностранном языке прерывается паузой для перевода;

б) синхронный перевод, ставший возможным благодаря новым техническим средствам, позволяющим донести слово переводчика до всей аудитории, не прерывая оратора.

Синхронный перевод состоит в одновременном переводе неограниченно длинного высказывания на иностранном языке и существует для массовой аудитории. Исторически он происходит от формы перевода для ограниченного числа слушателей, не более двух-трех человек в зависимости от условий. Такая форма перевода, хотя и существует с незапамятных времен, все же не получила в русском языке специально закрепленного за ней названия-термина. Описательно ее можно определить как перевод способом «нашептывания на ухо», как т и х и й перевод, рассчитанный на индивидуальное восприятие, в отличие от «громкого» перевода для массовой аудитории. (Ср. польский термин «тихого» перевода — «szseptanka».)

Посмотрим, каким образом названные виды и формы, а говоря практически, способы перевода применяются в кинематографе. Проблема перевода возникает в этом новейшем искусстве одновременно с появлением звука. В период немого кино никому не пришло бы в голову всерьез задумываться над переводом примитивных по лексике и синтаксису объяснительных титров. В звуковом кино на вооружение берется, разумеется, уже испробованное экономическое орудие — те же титры, но только несколько видоизменившие свою первоначальную форму. Они все реже прерывают действие, но сопутствуют ему. Их главное назначение — объяснять происходящее на экране, передача же эмоционально-философского содержания произведения по-прежнему остается на втором плане. В самом деле, главная забота прокатной конторы — лаконичность, доступность, удобочитаемость и доходчивость. В годы появления звукового субтитрованного кино процент неграмотных и малограмотных зрителей во всех странах был еще очень высок. Такой зритель настойчиво заявлял о своих требованиях, к ним нельзя было не прислушаться. Ведь кино — массовое искусство, иллюзион для всех за несколько медных монет. Кроме того, уровень развития техники еще не позволял осуществить новые предложения в области перевода иноязычных фильмов.

Субтитрование появилось как развитие традиции объяснительных надписей немого кино, но в своей форме оно использовало также (в целях достижения наивысшей степени коммуникативности) традиции средневековой лубочной графики, где надписи объясняли зрителю «где — кто», об остальном же он догадывался из происходящего. Эти традиции развились в Европе еще задолго до книгопечатания. Они су-

ществуют и поныне — кроме субтитрированного кино — в комиксах, где их основная и, пожалуй, единственная функция — объяснение, но отнюдь не передача эмоционально философского содержания произведения.

Однако перевод фильма при помощи субтитров имеет ряд ценных преимуществ по сравнению с известными и практикующимися в настоящее время способами перевода: во-первых, зритель имеет возможность слышать речь актеров, воспринимать эту сторону их мастерства; хотя речь эта может быть ему и непонятна, все равно сам факт ее прослушивания погружает его в экзотическую атмосферу иной страны, иной языковой и культурной реальности. Во-вторых, он получает ни с чем не сравнимую возможность перенестись в мир искусства не только зрительно, но и с помощью слуха. В его восприятии определенный зрительный образ поддерживается звуковым образом, что создает предпосылки для новых необычных переживаний, ассоциаций, будоражит ум и нервы, направляет эстетико-философский поиск на пути познания и открытия новых миров, открывает горизонты духовного знания.

Правда, люди всегда больше ценили информативность в познании, чем эмоциональное содержание его процесса. Стремление объединить в дубляже информативность и коммуникативность субтитров с эмоциональностью плана содержания оригинала видно из функций, которые выполняет перевод фильма при помощи дублирования. В идеальном виде дубляж должен давать исчерпывающую информацию о происходящем на экране. Такая информация является необходимой и безусловно коммуникативной в силу того, что она передается средствами языка национального зрителя. Кроме того, она эмоционально насыщена и выполняет функцию художественного познания, ибо осуществляется в интерпретации национальных актеров. Но таков идеал, который практически недостижим из-за того, что над дубляжем довлеет то же «проклятие», что и над всяким художественным переводом вообще. Ведь тексту, искусно прочитываемому актерами, как и всякому переводному тексту, присущи:

— просто ошибки, вызванные непониманием или непониманием переводимого сообщения, причем это не отдельные, случайные ошибки, а целая их система, искажающая информативную и стилистическую сторону оригинала;

— непонимание переводчиком замысла автора;

— искажение эпохи, историчность перевода, анахронизмы;

— переименование, стилизация оригинала;

— автоцензурирование, связанное с тем, что в одном национальном языке критерии оценки средств выражения иные, чем в другом (ср., например, трудность и даже объективную невозможность передачи на русский язык «непозволительностей», «соленостей» романских языков).

Последнее особенно важно, потому что переводчик текста для дубляжа имеет дело с языком *п р о и з н о с и м ы м*, то есть с проявлениями речевого сознания того или иного народа. Кроме того, дубляж накладывает на переводчика жесткие ограничения, так как необходимым условием всякого дубляжа является правило, при котором артикуляция произносимого текста должна *с о в п а д а т ь* с артикуляцией актеров на экране. Требование, нелепое само по себе и невыполнимое, полагающее правилом принципиально невозможное: в мире нет такой пары языков, в которых произносительная артикуляция совпадала бы (хотя бы частично) или была внешне похожей, хотя бы зрительно или мимически (а ведь артикуляционные навыки существуют не сами по себе, не просто как некая данность) — она гармонически связана и взаимообуславливается жестом, сценическим движением, зрительным образом вообще. Отсюда в переводном тексте другой серьезный недостаток — ошибки, возникающие в погоне за передачей (мнимой) артикуляционной мерности речи и ее ритма, так называемая «переводческая вата», вставки, купюры и пр. Хочется подчеркнуть в этой связи, что «дублированный язык», как правило, безвкусен, нелеп и портит нашу русскую речь вконец. Насилие над языком не проходит для его носителей даром, ибо сила воздействия кино и в этом плане огромна. Но это, конечно, тема специального исследования.

Перечисленные недостатки, искажающие не только смысл, но, в конечном итоге, и саму цель существования того или иного произведения киноискусства, свойственны подавляющему большинству фильмов, которые были подвергнуты вивисекции дубляжа.

Встречающиеся иногда случаи более или менее равноценного дубляжа крайне редки. Большинство истинных произведений искусства мирового кинематографа не получает адекватного языкового решения. Это, пожалуй, одна из причин того, что многие фильмы итальянского, французского, польского, чешского кинематографического гения не могут проложить дорогу ни к уму, ни к сердцу нашего зрителя. Оценившие же их, вероятно, заблуждаются в

том, что они оценили и тем более поняли фильмы Вайды, Антониони, Феллини... Скорее, они только просмотрели их; зрительные образы в дублированных версиях никак не подкреплялись в их воображении звуковыми образами, а подчас они им просто объективно противоречили в силу перечисленных обстоятельств.

Самый яркий пример: зубастая, пропитанная соленым морским воздухом неаполитанского народного юмора и типично итальянской издевки над американским асептическим образом жизни, комедия «Операция Св. Януарий» выглядит в дубляже сухой бескровной брюзгливой старухой с почетным званием МИСС бензозаправщицы. Для этой метаморфозы достаточно было **п р о д у б л и р о в а т ь** комедию.

Очевидно, дубляж как способ перевода уже изживает себя. Удивление и очарование, которое сопутствовало его появлению в кинематографе, — примером тому многочисленные популярные публикации, где маги и волшебники от дубляжа раскрывали перед притихшим читателем-зрителем тайны своего чернокнижия, — сменяется теперь законным недовольством все больших групп зрителей. Облегченное и витаминизированное искусство его все меньше удовлетворяет, его привлекают теперь сложные вопросы художественного познания, на которые можно найти ответ лишь путем интенсивного проникновения в сокровищницу накопленных человеческих знаний. Искусство, в частности искусство кино, — одна из отраслей этого знания. Никакое дублированное полузнание не удовлетворит современного человека.

Данные социологических исследований в области кинематографа как в нашей стране, так и в странах социализма показывают, что существует определенная категория зрителей, которая предпочитает субтитрованные фильмы дублированным. Как правило, это «думающий» зритель, для которого в нашей стране открываются специальные кинотеатры, киноклубы, устраиваются просмотры и т. п. Это люди с достаточно высоким культурным и образовательным цензом. В нашей стране, идущей по пути приобщения к культурным ценностям и знанию все более широких слоев населения, наблюдается неудовлетворенность зрителя качеством дублированных фильмов, которая будет, несомненно, усиливаться по мере роста культурного уровня советского народа.

Что же можно противопоставить дубляжу? Субтитры? Это, конечно, пройденный этап. Они изжили себя и не смо-

гут в полной мере удовлетворить повышенным требованиям современного зрителя. То, что многие высказываются за субтитры, есть лишь желание выбрать из двух переводческих зол менее назойливое. Подписи можно и не читать. Фабула ведь не самое главное даже в таком массовом искусстве, как кино. Но в этом случае эстетическая информация будет необходимо неполной, восприятие ущербным, а процесс художественного познания недоведенным до логического конца.

Поэтому мы предлагаем воспользоваться тем способом перевода, который мы уже определили как т и х и й, «нашептывающий» перевод. В отличие от «громкого», синхронного перевода, практикующегося в настоящее время на фестивальных просмотрах недублированных и несубтитрованных фильмов, когда одноразовый, ни к чему не обязывающий и необязательный перевод подается непосредственно с микрофона на громкоговорители зала, подавляя при этом звучащую с экрана речь, в «тихом» переводе предполагается использовать специального типа легкий индивидуальный наушник, надеваемый на ушную раковину. Перевод, читаемый диктором, предварительно записывается на магнитную пленку или на вторую звуковую дорожку копии фильма и подается во время сеанса на наушник зрителя. Оригинальная фонограмма звучит с экрана так же, как и при обычной демонстрации фильма. Подача фонограммы на наушник зрителя может происходить по проводам или по радио, что более удобно для зрителя. Такая аппаратура для синхронного перевода успешно используется у нас на общественно-политических собраниях и съездах. Внедрение ее в кинематографическую практику не потребовало бы специальных затрат на исследования в этой области. Что касается записи и воспроизведения фонограммы перевода, то это не техническая, а всего лишь административная проблема.

Внедрение в иноязычное кино способа «тихого» перевода ускорило бы процесс поступления в прокат той или иной ленты. Это также удешевило бы процесс подготовки ее к прокату. Перевод фильма стал бы делом переводчика, актера, режиссера и звукооператора. Возросла бы ответственность переводчика за свою работу, повысилось бы ее качество.

С художественной точки зрения этот метод обладает неоспоримыми преимуществами субтитрования и своими собственными, оригинальными. Во-первых, «тихий» перевод обладает исчерпывающей информативностью и коммуникативностью передаваемой информации. Во-вторых, хотя сама

по себе эта информация неэмоциональна, это восполняется тем, что зритель слышит оригинальный звуковой ряд фильма, слышит звуковые образы, органически связанные в оригинале со зрительными. Следовательно, выполняется функция художественного познания. Третье преимущество и ценность «тихого» перевода состоит в том, что он не навязывает зрительному ряду чуждого и противоречивого ему звукового ряда перевода, поскольку текст лишен недостатков, присущих всякому переводу, в котором переводчик пытается изобразить «дух» оригинала. Немаловажно также и то, что между переводчиком и зрителем при «тихом» переводе устанавливается тесный психологический контакт, поэтому оказывается возможным давать помимо информативного перевода еще и пояснения по поводу речевой реальности, отраженной в фильме, которые при «громком» переводе всегда неуместны, а также вводить зрителя в новую для него языковую среду. Кроме того, данный метод гибок и маневренен, если для записи перевода используется отдельная магнитная пленка. В таком случае в перевод с течением времени можно вносить те или иные коррективы, полностью изменять его, если он перестал соответствовать новым требованиям, что вряд ли практически возможно при дубляже или субтитровании, так как все это связано с огромными затратами.

И последнее, но может быть самое важное, на что хотелось бы обратить внимание, — «тихий» перевод относится к немногим так называемым «свободным» формам существования интерпретаторского искусства: зритель в любую минуту может выключить неудовлетворяющую его по тем или иным соображениям фонограмму перевода и по желанию остаться один на один с автором и героями фильма (особенно, если сюжет ему известен). Так, зритель иноязычного фильма и зритель отечественного фильма оказываются «на равных». И в том, и в другом случае он не теряет своей творческой самостоятельности, так как восприятие то же творчество. Чувства самостоятельности и равноправия весьма существенны в психологии восприятия произведения искусства. Итак, зритель получит, наконец, возможность избавиться от посредника, если он окажется чересчур назойлив и будет мешать ему сосредоточиться. А пока...

Б. Н. Климзо
(Москва)

О НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ, СЛОВСОЧЕТАНИЯХ И СЛОВАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В очерках о переводе¹ Я. И. Рецкер приводит убедительные примеры расплывчатости английского синтаксиса и рассматривает, в частности, амбивалентность и двусмысленность некоторых синтаксических конструкций, с которыми сталкиваются переводчики английской и американской художественной литературы. Подобные конструкции встречаются и в научно-технической литературе на английском языке. Если же говорить о периодической технической литературе, то ее уровень неопределенности еще выше, поскольку авторы статей, публикуемых в американских и английских журналах, зачастую недостаточно хорошо владеют письменной речью, либо пишут поспешно и небрежно². Это обстоятельство характерно, конечно, не только для англоязычных авторов и поэтому, казалось бы, не имеет прямого отношения к собственно английскому языку.

И все же, если исключить из рассмотрения ошибки чисто логического характера (алогизмы, «сочинение» вместо «подчинения», нарушение причинной связи, «тема» вместо «ремы», отсутствие четкого перехода и т. д.), то нетрудно убедиться, что английскому техническому языку особенно свойственны словоупотребление и синтаксические конструкции, затемняющие, а иногда и искажающие мысль автора. Американский исследователь языка технической литературы Дж. Чаплайн пишет: «Английский язык обладает дьявольской способностью говорить не то, что собирался

---

¹ Я. И. Рецкер. Теория перевода и переводческая практика. М., «Международные отношения», 1974.

² См. также Б. Н. Климзо. О переводе периодической научно-технической литературы с английского языка на русский. «Тетради переводчика», № 13, М., «Международные отношения», 1976, с. 75.

сказать автор... Если с этим языком обращаться умело, он — сама прелесть, если же неумело — он в лучшем случае нескладен, а в худшем бессмыслен»¹.

Обилие в технической литературе на английском языке неопределенных конструкций — факт, не вызывающий сомнений у тех, кому приходится переводить статьи американских и английских авторов. Если у переводчиков при обсуждении проблемы неопределенности и возникают разногласия, то они касаются в основном того, какие неопределенные конструкции следует признать синтаксически «неправильными». Однако само деление конструкций на «правильные» и «неправильные» довольно относительно. Фаулер, например, рассматривает множество неопределенных конструкций, которые он считает синтаксически неправильными, но которые, по его же выражению, настолько «последовательны в своей неправильности, что кажутся почти правильными»².

Таким образом, не всегда можно провести четкую границу между грамматически правильными и неправильными неопределенными конструкциями, да в этом, по-видимому, и нет необходимости. С практической точки зрения важно другое: если мы хотим систематизировать случаи неопределенности, с тем чтобы помочь техническим переводчикам распознавать и устранять самые разные неясности и двусмысленности, прямо или косвенно связанные с английским языком, мы должны учесть и **типичные** неопределенные конструкции, неправильные с грамматической точки зрения.

Еще одним неиссякаемым источником неопределенности служит имплицитность английского языка. Чем уже круг возможных читателей статьи, тем больше в ней импликаций и тем сложнее задача перевода. Казалось бы, справиться с этой задачей нетрудно, как так способы устранения импликаций указаны в общей теории перевода. Однако чрезмерный прагматизм авторов статей приводит к тому, что импликации проникают даже в атрибутивные группы, и без того, как известно, не отличающиеся ясностью. Импликации такого рода — это «импликации в квадрате», и «извлечь из них корень» под силу только переводчику — узкому специалисту.

---

¹ J. D. Chapline. *Tricks of the Trade*. EWS vol. I, no I, 1958.— *Пер. автора*.

² H. W. Fowler. *A Dictionary of Modern English Usage*. 2nd ed. rev. by Sir E. Gowers. Ldn.—Oxford, 1966, p. 410.— *Пер. автора*.

Среди факторов, способствующих неопределенности смысла сообщений на английском языке, можно указать амбивалентные слова и выражения, а также довольно своеобразную тенденцию авторов статей использовать некоторые слова в значении, противоположном номинальному.

Наконец, следует упомянуть «квазинеопределенные конструкции», или конструкции, которые передают смысл однозначно, но переводчикам представляются неоднозначными.

Рассмотрим перечисленные случаи неопределенности более подробно.

Неопределенные конструкции, «правильные» с грамматической точки зрения

1. В последние годы много говорится о функциональном стиле научной и технической литературы, при этом подчеркивается «обобщенно-отвлеченный» и «коллективный» характер этого стиля. К сожалению, коллективному стилю присуще требование избегать изложения от первого лица и использовать безличные пассивные конструкции, которые якобы придают сообщению большую объективность. Такое требование не только приводит к тому, что за объективную выдается подчас субъективная точка зрения автора, но и служит источником неопределенности. Конструкции типа *it is felt (considered, thought, believed), it is noted, it is suggested, it is concluded* и особенно типа *it is (was, will be) recognized (appreciated), it is (will be) argued, it was found*, встречаемые в разделах «Введение» и «Обсуждение», скрывают действующее лицо. И англоязычному читателю, и переводчику, и читателю перевода (если переводчик сохранит подобную неопределенность) порой невозможно установить, кого автор статьи имеет в виду — самого ли себя, или своих коллег из соседнего института, или научно-техническую общественность в целом. Именно поэтому редакторы американских и английских технических журналов и составители пособий для авторов научных и технических статей все чаще рекомендуют пользоваться личными местоимениями и избегать пресловутую “*passive of modesty*”.

Наблюдения показывают, что, как правило, применяя конструкции типа *it is recognized*, авторы статей и участники обсуждения имеют в виду себя. Поэтому при переводе целесообразно отказываться от воспроизведения безличной пассивной конструкции и пользоваться личными местоимениями первого лица единственного или множественного числа либо существительными «авторы», «рецензенты» и

т. п., если, конечно, отсутствуют свидетельства того, что автор подразумевает, например, участников упомянутого им другого исследования. Приведем пример:

It is believed that this study is significant because it presents a procedure for investigating the dynamic behavior of gear systems for various gear geometries and operating conditions.

Перевод вроде «Эту работу считают важной...» просто недопустим, поскольку оценка работы принадлежит ее участникам. Правильнее в данном случае убрать псевдообъективность:

Важность данной работы, по нашему мнению, определяется тем, что в ней приведена методика исследования динамики зубчатых передач при различных геометрических параметрах и режимах работы.

Можно предложить следующие варианты перевода пассивных конструкций описанного типа:

а) It is considered (felt, believed, thought, suggested) that...

Мы считаем (полагаем), что ...

б) It is concluded that...

Отсюда мы приходим к выводу, что...

в) It is (will be) recognized that, it is (will be) appreciated that...

Мы понимаем, конечно, что...

г) It was found that...

Мы нашли, что... (Как оказалось,...)

д) It is (will be) argued that...

Теперь покажем, что..., или:

Мы утверждаем, что...

Несколько особняком стоят обороты, при переводе которых необходимо сохранять безличность, а именно:

It is (should be) expected because...

Этого следовало ожидать, поскольку...

It may (might) be argued that...

Нам (то есть авторам — Б. К.) могут возразить, что...

Кстати, эту модальную конструкцию часто переводят неверно, например: «Можно (можно было бы, мы могли бы) показать (доказать, аргументировать)...» С другой стороны, поскольку выражения модальности в русском и английском языках совпадают не всегда, некоторые безличные конструкции целесообразно переводить на русский язык со словом

можно: it is seen that... «можно видеть, что...» (а не: «видно, что...»); it is suggested, therefore, that... «поэтому можно предположить, что...» (а не: «поэтому предполагается, что...»)

2. Неопределенность свойственна пассивным конструкциям с двумя подлежащими и опущенным глаголом-связкой в случае, когда действующее лицо не указывается. Так, встретив предложение *The mice were decapitated and their diaphragms stretched*, читатель вынужден догадываться, были ли диафрагмы мышей растянуты лаборантом или они растянулись сами по себе.

3. Сложноподчиненные предложения с союзом *so that* при отсутствии контекста обладают двухзначностью — неясно, что сообщается в придаточном предложении — цель или следствие. Например:

Existing measurements for small Peclet numbers do not provide a wide range of Biot numbers so that a definitive comparison of data with the two-dimensional and the one-dimensional solutions as given in equations (31) and (32) can be made.

Только анализ статьи позволяет установить, что в данном случае речь идет о цели, а не о следствии. Со стилистической точки зрения удобнее, по-видимому, воспользоваться антонимическим переводом:

Существующие результаты измерений для малых чисел Пекле не обеспечивают широкого диапазона чисел Био, и поэтому полное сравнение экспериментальных данных с решениями для двумерной и одномерной моделей, которые предоставлены уравнениями (31) и (32), сделать невозможно.

Неопределенные конструкции, «неправильные» с синтаксической или стилистической точки зрения

Среди конструкций такого рода наиболее трудны при переводе те, в которых встречаются удаленное определение, «дезинформирующее» указательное местоимение и окольная подача информации.

а) Удаленное определение:

This fact is readily illustrated by adding 4000 Å to each experimental film thickness value as in fig. 7 taken from (13).

Казалось бы, из работы (13) взята фигура 7, на самом же деле речь идет о заимствовании экспериментальных значений толщины пленки:

Это обстоятельство легко проиллюстрировать, прибавляя, как это сделано на фиг. 7, 4000 Å к каждому экспериментальному значению толщины пленки, взятому из работы (13).

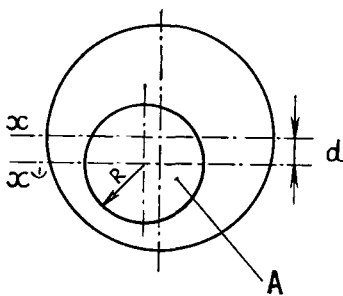
Еще пример:

The effect on the load capacity of the film viscosity — это не «Влияние на несущую способность вязкости пленки», но «Влияние вязкости (масла в пленке) на несущую способность пленки».

б) «Дезинформирующее» указательное местоимение:

One notes that the denominator represents the second moment of the remaining area of the specimen about its centroid. The second moment of the uncracked area about its geometric center is $\frac{\pi r^4}{4} + Ad^2$.

Прежде чем приступить к переводу, рассмотрим схему поперечного сечения образца. Здесь r и A — соответственно радиус и площадь долома, или части тела образца, разрушившейся в последнюю очередь. Теперь попробуем определить, к чему относится первое its , а к чему — второе. Казалось бы в первом случае речь идет об образце, а во втором — о неразрушенной площади A , но совместный анализ текста и формулы позволяет сделать вывод, что все обстоит совсем наоборот:

Отметим, что знаменатель представляет собой момент инерции площади нетреснувшей части образца относительно ее центра тяжести. Момент инерции этой площади относительно геометрического центра образца равен $\frac{\pi r^4}{4} + Ad^2$.

в) Окольная подача информации:

A decrease in viscosity at high shear rate can be the result of pseudoplastic shear thinning (non-Newtonian be-

havior) or viscous heating in the capillary at high shear stress resulting in a viscosity decrease because of local temperature increases.

Автор, пытаясь выразить свою мысль, как бы ходит вокруг да около. Чтобы нагляднее показать его беспомощность, выбросим часть слов:

A decrease in viscosity... can be the result of ... viscous heating ... resulting in a viscosity decrease.

В переводе рыхлость конструкции следует устранить:

Некоторое уменьшение вязкости при высокой скорости сдвига может происходить в результате псевдопластического утонения при сдвиге (неньютоновское поведение жидкости) или нагрева, обусловленного силами трения в капилляре и ведущего к местному повышению температуры.

Импликация

Вначале рассмотрим пример обычной импликации.

In other tests the force F on a hard-steel ball, under a load of 22 lb, is plotted against a variable plate hardness. The points scatter, but show a sharp drop from, say, 100 to 300, followed by a gradual fall to 900 DPH.

Если ограничиться дословным переводом, то получится, будто бы некая величина (а именно, твердость по Виккерсу, или DPH) резко упала со 100 до 300 (?), а затем постепенно понизилась(?) до 900. Интерпретация второго предложения осуществляется в данном случае с помощью первого предложения, в котором сообщается, что в опытах определялась зависимость силы трения шара от твердости плиты, по которой катился шар. Поэтому легко догадаться, что во втором предложении имеются в виду экспериментальные точки, полученные именно для силы трения (определенный артикль); а это значит, что sharp drop и gradual fall относятся к силе трения, то есть к функции, а диапазон from 100 to 300 и значение 900 DPH — к твердости плиты, то есть к аргументу. Раскрыв импликацию, можно теперь дать следующий перевод:

Экспериментальные точки лежат с разбросом, но свидетельствуют о резком падении силы трения с изменением

твердости от HV 100 до HV 300 и о последующем постепенном снижении силы при увеличении твердости до HV 900.

А теперь пример более сложной импликации, вторгшейся в атрибутивный оборот: Minimum film boiling temperature difference. Только глубокое знание тематики поможет переводчику разобраться, что в данном случае речь идет не о «минимальном перегреве стенки при пленочном кипении», но о «перегреве стенки при минимальном тепловом потоке в условиях пленочного кипения».

Амбивалентные слова и выражения

В технической литературе некоторые слова используются в значениях, противоположных указанным в словарях. Например (курсивом даны значения, общепринятые в технической литературе): approximately — точно¹ /приближенно; marginal — предельный (БАРС)/незначительный; to compare favourably with — выигрывать при сравнении с (БАРС), выгодно отличаться от (Мюллер)/ хорошо согласовываться с, близко совпадать с.

Некоторые амбивалентные слова применяются в технической литературе как в прямом, так и в обратном значении (курсивом даны значения, отсутствующие в словарях): apparent — кажущийся/очевидный; conservative — заниженный/завышенный; improved — уменьшенный/увеличенный; to offset — компенсировать, или возмещать (потерю)/ сводить на нет выигрыш.

При художественном переводе значение амбивалентного слова уточняют с помощью контекста, при техническом переводе приходится прибегать к анализу формул. Рассмотрим в качестве примера слово conservative:

The values of K and $St_a Re_a$ are conservative because the test results were probably obtained at constant wall temperature, whereas constant temperature difference or heat flux would be more appropriate, and would give slightly higher values of St_a .

Специалист знает, что чем выше коэффициент теплопередачи (K) или число Стантона (St), тем эффективнее теплообмен

---

¹ M. West and P. F. Kimber. Deskbook of Correct English Ldn., 1957, p. 164.

и, следовательно, меньше рабочая поверхность или физические размеры теплообменника. Поэтому conservative в данном случае переводится как «занижены»:

«Значения K и $St_a Re_a$ занижены, поскольку экспериментальные результаты были получены, вероятно, при постоянной температуре стенки, тогда как более уместно было бы проводить опыты при постоянных температурном напоре или тепловом потоке, которые дали бы несколько бóльшие значения St_a .»

Слово conservative настолько коварно, что иногда авторы сами раскрывают его значение:

- a) Application of Svensson's equation using nominal values therefore results in a more conservative (lower) estimate of burst pressure.
- b) This phenomenon causes the Method A procedure to call for slightly shorter required mixing throats for a specified Θ_0 than Methods B and C which are independent of the diffuser and predict more conservative (longer) throat lengths.

Слова, используемые в значении, противоположном номинальному

В основе несколько необычной тенденции некоторых авторов употреблять слова в значении, противоположном номинальному, лежит, по-видимому, та же психологическая причина, что и в основе анаколуфа. Автор, начиная писать предложение, думает об одном понятии (парамetre, величине), а к концу предложения подменяет его другим. Интересно, что такая подмена не носит совершенно случайного характера — с некоторыми словами она происходит особенно часто. Среди подобных слов можно указать assigasy в значении 'погрешность' (номинальное значение «точность»), sliding — 'трение' («скольжение»), curvature — 'радиус кривизны' («кривизна»), thrust — 'усилие, нормальное стенке' («осевое усилие»), reduction — 'величина, получаемая в результате уменьшения' («величина уменьшения»), fatigue life — 'усталостное разрушение' («долговечность»).

Приведем два примера.

1. Accurate low R_d investigation can be performed on smaller line size and/or beta ratio tubes only, where the

single point *accuracy* of the calibration is smaller than the anticipated R_d effect.

Точное исследование в области низких чисел Рейнольдса можно выполнить только на расходомерах малых диаметров и/или отношений β , для которых *погрешность* получения отдельной тарировочной точки меньше, чем ожидаемое влияние числа Рейнольдса.

2. However, there is evidence (10) that fatigue spalling is initiated from cracking at the edge of the wear track and that this cracking will not occur below a critical load or Hertz stress level. If this is the case, then the *fatigue life* of silicon nitride at the Hertz stress levels experienced in bearings may never occur.

Однако имеются доказательства того (10), что усталостные сколы начинаются из-за растрескивания на краю дорожки износа и что это растрескивание не происходит ниже некоторой критической нагрузки, или критического уровня напряжений Герца. А если это так, то при уровнях напряжений Герца, характерных для подшипников, *усталостное разрушение* элементов качения из нитрида кремния может вообще не наступить.

Квазинеопределенные конструкции

А. Конструкция с запаздывающей идентификацией

Эта конструкция относится Фаулером к числу недостаточно правильных ('The pronoun should seldom precede its principal'). С другой стороны, Т. Левицкая и А. Фитерман, например, считают, что конструкция с запаздывающей идентификацией обусловлена превалирующим значением синтаксиса в английском языке и характерна для этого языка¹. Отметим, что в периодической технической литературе эта конструкция встречается часто, она привычна для англоязычных авторов и читателей и воспринимается ими однозначно. Переводчики же справляются с нею не всегда. Приведем пример:

In cases where such requirements are not specified, avoid elaborate systems in the deaerator storage tank for distribution of water over the entire surface of the tank, direct to pump supply arrangements and other concepts

---

¹ Т. Левицкая и А. Фитерман. Почему нужны грамматические трансформации при переводе? «Тетради переводчика», № 8, М., «Международные отношения», 1971, с. 12.

which conceivably make the entire volume, or an appreciable percentage thereof, of the stored water to be missed back into the deaerator in the case of sudden reverse pressure differentials.

Such requirements — это системы, arrangements, concepts. Теперь можно дать следующий вариант перевода:

Если технические условия не требуют противного, избегайте сложных систем распределения воды по всей свободной поверхности бака-аккумулятора, а также схем с непосредственной подачей воды к насосу и других конструктивных решений, которые при появлении резких отрицательных перепадов давления могут послужить причиной реактивного броска всей или значительной части накоплений в баке-аккумуляторе воды в деаэрационную колонку.

Б. Конструкция с противопоставлением

Начнем с примера:

Even though measurements were made as high as 39 deg, the signatures did not decrease as was the case with the bearings tested under radial conditions in controlled laboratory experiments.

Спрашивается, что происходило с уровнем сигналов в случае испытания подшипников при радиальном нагружении? Он также не уменьшался либо, наоборот, уменьшался? Анализ многочисленных примеров с аналогичными конструкциями позволяет сделать следующий вывод, подкрепляемый свидетельствами англичан: если предложение содержит две части, в первой из которых сказуемое выражено отрицательной формой глагола в прошедшем времени, а во второй — утвердительной формой глагола в прошедшем времени, и обе части разделены словом *as* или словосочетанием с *as*, то факт, о котором сообщается в первой части, находится в противоречии с фактом, сообщаемым во второй части.

Таким образом, вышеприведенное предложение можно перевести так:

И хотя измерения проводили даже при таких высоких значениях угла контакта, как 39°, уровень сигналов не уменьшался, в отличие от случая испытания под-

шипников при радиальном нагружении в контролируемых лабораторных условиях.

Еще пример:

The sensitive effect of Hertz pressure on film thickness was not observed here as it was elsewhere (II) for line contact under much higher rolling velocities.

В отличие от работы (II), в которой исследовался линейный контакт при гораздо более высоких скоростях качения, мы не обнаружили заметного влияния герцевского давления на толщину пленки.

З а к л ю ч е н и е

При переводе статей из английских и американских научно-технических журналов нужно быть психологически готовым к встрече с неопределенностями разного рода, уметь их распознавать и устранять. Ликвидация неопределенности, содержащейся в английских синтаксических конструкциях, словосочетаниях и словах, позволяет сделать перевод статьи более точным и ясным, чем оригинал.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Вопросы теории перевода

- М. Я. Цвиллинг, Г. Я. Туровер.* О критериях оценки перевода 3
В. Д. Уваров. О трех направлениях в переводческих исследованиях 9

II. Вопросы художественного перевода

- Л. С. Бархударов.* Что нужно знать переводчику? 18
К. Монтелла. Замечания о русских переводах Боккаччо 23
В. П. Торпакова. Несколько слов о фантазии 31

III. Вопросы переводческой практики

- Я. И. Рецкер.* О самостоятельной работе начинающего переводчика 41
Т. В. Караичева. Некоторые закономерности перевода английских структур с производным именем деятеля на русский язык 49
Л. Т. Микулина. Заметки о калькировании с русского языка на английский 59
З. И. Сироткина. О некоторых русско-испанских и испанско-русских регулярных соответствиях в области передачи значения относительного времени 64
С. С. Прокопович. Адекватный перевод художественной прозы: возможен ли он? 75

IV. Устный перевод

- В. И. Ермолович.* К вопросу об одновременности слушания и говорения в процессе синхронного перевода 82
В. П. Гайдук. «Тихий» перевод в кино 93

V. Технический перевод

- Б. Н. Климзо.* О неопределенных конструкциях, словосочетаниях и словах периодической научно-технической литературы на английском языке 100

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА,
ВЫП. 15

Редактор *В. П. Торпакова*
Издательский редактор *Н. И. Божанова*
Художественный редактор *В. В. Сурков*
Технический редактор *Н. П. Мамаева*
Младшие редакторы *Г. И. Колодкова,*
Е. П. Политова
Корректор *Н. Л. Образцова*

ИБ № 192

А10465. Сдано в набор 28/X 1977 г. Подписано
в печать 4/IV 1978 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
№ 1. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 6,21. Тираж
20 000 экз. Изд. № 47/77Ф.

Издательство «Международные отношения»
103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24—26.

Зак. № 813

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграф-
прома при Государственном комитете Совета Ми-
нистров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 150014. Ярославль, ул. Сво-
боды, 97. Цена 45 коп.

JOHN

45 KON.

5